

Кабааре "Медуза"

Антония Таубе
Оливия Таубе

Антония Таубе
Кабаре «Медуза»

«Издательские решения»

Таубе А.

Кабаре «Медуза» / А. Таубе — «Издательские решения»,

История жизни прекрасных танцовщиц яркого заведения, притягивающего и манящего, на одной из улиц Санкт-Петербурга 1911 года. Яркие вечера, шумная публика, загадочные убийства, истории любви и жизни на фоне грядущих перемен в Российской империи.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кабаре «Медуза»

Антония Таубе

Оливия Таубе

Все персонажи вымышленные. Любые совпадения имён и событий являются случайными.

© Антония Таубе, 2016

© Оливия Таубе, 2016

© Антон Вент, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Филиппов Владимир Гаврилович-начальник Петербургской сыскной полиции 1903—1915 гг.

Деятель правоохранительных органов Российской империи, в 1903—1915 годах – начальник Петербургской сыскной полиции, действительный статский советник.¹

Родился:

15 июля 1863 г., Санкт-Петербург, г. Колпино С.-Петербургской губернии.

Умер

1 сентября 1923 г. (60 лет), Берлин

Родители:

Адмиралтейских Ижорских заводов губернский секретарь Гавриил Артемьевич, Елена Алексеевна

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%B2,%20%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%93%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>

Выдающийся русский сыщик Аркадий Кошко

Аркадий Францевич Кошко-начальник Московской сыскной полиции 1908—1917 гг., писатель.

Русский криминалист и сыщик. Начальник Московской сыскной полиции, позднее занимавший всем уголовным сыском Российской империи, в эмиграции писатель-мемуарист. Генерал.² **Родился**

1867 г., Минская губерния ныне Бобруйский район, д. Брожка, Могилёвская область

Умер

24 декабря 1928 г. (61 год), Париж, Франция

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%BE,%20%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%B9%20%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87>

Если кто-то заставляет себя казаться более добродушным, чем он есть на самом деле, более терпимым, более благородным, то рано или поздно наступает обратный эффект: человек становится более вздорным, жестоким и, вообще, более неприятным, чем в обычной жизни. Если вы будете сдерживать естественные чувства плотиной притворства, рано или поздно эта плотина прорвётся, и тогда наступит стихийное бедствие.

Агата Кристи, «Убийство под Рождество». 1939 гг.

Сам подсудимый в последнем слове, ему предоставленном, кратко заявил: – Одно могу сказать, господа правосудие, что ежели бы не господин Кошкин, то не видать бы вам бруллиантов!

А. Ф. Кошко, «Кража в Успенском соборе». 1910 гг.

Глава 1

Так что же делать?

Санкт-Петербург, 1911 год

Так что же делать?.. Где ещё искать?.. Где же тут собака зарыта?!

Хмурым февральским утром начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов, крупный представительный мужчина, сидел за не менее представительным столом в своём рабочем кабинете, погружившись в глубокое раздумье. Перед ним на столе лежало раскрытое «дело» о череде загадочных смертей танцовщиц кабаре «Медуза», так взволновавшее всю петербургскую общественность. Он, наверное, уже в тысячный раз просмотрел его и теперь размышлял, перебирая в памяти всю цепь трагических событий.

А ещё он вспоминал годы совместной работы со своим прежним заместителем, Аркадием Францевичем Кошко, который теперь успешно трудится в Москве. Филиппов относился к Кошко с большой симпатией и за время совместной работы обучил его многим приёмам и тактике сыска. А в дальнейшем случилось так, что после этого ученик значительно превзошёл своего учителя! Что ж, так, наверное, и должно быть...

И вот теперь руководство «сверху» поручило Кошко Аркадию Францевичу, начальнику сыскной полиции Москвы, помочь Филиппову разобраться в этом запутанном деле. О детективных талантах Кошко ходили просто-таки фантастические легенды, так что Владимир Гаврилович, честный и добросовестный служака, был тоже прекрасно наслышан о следовательской деятельности Аркадия Францевича, своего бывшего помощника, и теперь он с минуты на минуту поджидал его появления, чтобы, распутать, наконец, эту головоломку с убийствами.

Под самым носом полиции в течение четырёх месяцев были найдены убитыми три известные танцовщицы этого кабаре! Стражам порядка, к сожалению, ровным счётом ничего не удалось выяснить и хоть сколько-нибудь приблизиться к разгадке этих смертей. Досадно, конечно, что сами не смогли справиться и приходится теперь принимать помощь со стороны, но ничего не поделаешь, – истина дороже!

И, кроме того, директор «Медузы», Пейсих Иосифович Фальчук, чуть ли не на коленях с дрожью в голосе умолял скорее найти убийцу, так как из-за этих вопиющих случаев кабаре могли просто закрыть! И тогда – хоть с сумой по миру иди! Если так будет продолжаться, то в кабаре перестанут ходить, и весь бизнес можно будет смело и навсегда сворачивать. А это абсолютно недопустимо! Причём, если первые две танцовщицы были убиты хотя бы за пределами заведения, то третья была убита прямо в своей гримёрке. И это было уже оглушительной полновесной пощёчиной всему руководству кабаре, репутации всего заведения, да и, чего скрывать, – лично самому Филиппову!!! А уж как газеты полоскали эту историю – кто во что горазд, всячески обхаивая работу полиции, и открыто намекали на её бездарность и неспособность к настоящей работе. Тьфу, противно даже вспоминать! Полицейский участок был просто завален письмами от граждан, полных справедливого возмущения. Письма были написаны не в полицию, конечно, а в редакции газет, а уж редакторы не могли отказать себе в удовольствии законным образом поиздеваться над работой полицейских, и с удовольствием доставили все мешки с письмами в полицейский участок. И без того работа над делом зашла в тупик, а тут ещё эти письма! Так что все законные требования напуганных обывателей оптимизма и воодушевления не добавляли, но при всех своих усилиях следствие ни на шаг не могло продвинуться вперёд. Хоть лоб об стену разбей! Просто тупик какой-то...

Наконец дверь открылась, и на пороге появился сам генерал Кошко! Он вошёл в хорошем настроении, с лёгким румянцем на лице, быстрым движением сбросил с себя шубу на руки какому-то безмолвному полицейскому чину и, потирая с мороза руки, бодрым шагом направился к Филиппову, поднявшемуся из-за стола ему навстречу. Видно было, что Кошко искренне рад этой встрече, – ведь он очень уважал этого человека не только за его деловые качества, но и питал к нему самые тёплые чувства как к другу и наставнику! Но теперь Аркадий Францевич, поскольку уже был введён в курс предстоящей работы, намерен был приступить к делу сразу же. Поэтому, радостно поприветствовав хозяина кабинета крепким рукопожатием, Аркадий Францевич с оптимизмом обратился к нему:

– Рад видеть Вас в добром здравии, Владимир Гаврилович! Прошу Вас, рассказывайте всё по порядку, а я тем временем буду просматривать фотографии!

Разговор предстоял долгий, и потому сначала оба удобно устроились за необъятным столом Филиппова.

– Итак, – приступил к рассказу хозяин кабинета, – безрадостная картина этого дела такова. Первой погибла танцовщица кабаре «Медуза» Черкесова Алиса Кондратьевна, двадцати семи лет от роду. Это случилось третьего сентября 1910 года. Она вернулась из кабаре домой поздно вечером, в свою маленькую однокомнатную квартиру, которую снимала на Зелёной улице, поближе к работе. А утром соседка по площадке, Устинова Ульяна Дмитриевна, обнаружила её уже мёртвой, – когда отправилась на работу, то обратила внимание на приоткрытую дверь квартиры Черкесовой. Она заподозрила неладное, но уходить не стала, а заглянула внутрь и окликнула свою молодую соседку, однако Алиса не отозвалась. Тогда Устинова осторожно вошла в квартиру Черкесовой и увидела её, неподвижно сидевшую за столом. Казалось, что та задремала, положив голову на руки, скрещенные на столе. Однако, подойдя поближе, Устинова поняла, что Черкесова мертва, и тело её уже было холодным. Вот фотография, взгляните, пожалуйста, – Владимир Гаврилович выбрал из пачки фотографий один снимок и подал его Аркадию Францевичу. – Приехавший медик констатировал смерть от укола – передозировка морфия. При опросе работников кабаре все девушки говорили, что Черкесова в последнее время стала жаловаться на достаточно сильные боли в суставах, и это её очень беспокоило. Поэтому первоначальное предположение было таково, что она, возможно, поставила себе обезболивающий укол и не рассчитала дозу. Однако шприц в квартире Черкесовой не обнаружили, поэтому версия самоубийства сразу отпала. Нам удалось выяснить, кто был у неё накануне, – это был её поклонник, – военный, пехотный капитан Карсавин Эдуард Артамонович. Его видел дворник. Карсавин пришёл к Черкесовой в десять часов вечера, а вышел от неё в начале двенадцатого. Но обвинение ему предъявить не смогли: у него не было причин убивать Черкесову, да и с медикаментами он никаких дел не имел. И кроме всего прочего, после его ухода Черкесова была ещё жива, так как, проводив его, она сразу же зашла за солью к своей соседке Устиновой. А утром та же Устинова нашла её мёртвой и сообщила об этом в полицию. На всякий случай мы эту соседку тоже проверили, но тут всё чисто: Устинова Ульяна Дмитриевна, пятидесяти семи лет, одинокая, в списках полиции не значится, работает при церкви и к медикаментам нигде никакого доступа не имеет. С Черкесовой отношения были нормальные, добрососедские, никаких ссор и скандалов между ними не случалось. При осмотре квартиры Устиновой ничего подозрительного обнаружено не было – ни шприцов, ни морфина, никаких других медицинских принадлежностей.

Пока Филиппов говорил, стараясь не упустить ни одной подробности, Кошко внимательно рассматривал фотографию. На снимке был запечатлён круглый стол, на котором стояла какая-то затейливая ваза с крупными хризантемами. А за столом сидела и, положив голову на руки, словно спала изящная девушка, чёрные кудри которой красивой волной спадали с плеч. Да уж, не напрасно препарат морфин назван в честь греческого бога сна Морфея! Никогда не подумаешь, что она давно мертва! Кошко почувствовал к ней щемящую жалость: для чего расцвела такая тонкая красота и почему так рано оборвалась жизнь этой молодой женщины?

– Продолжайте, Владимир Гаврилович! А это фотография второй убитой?

– Да. Это Зинаида Родионовна Колосок, двадцати шести лет. Была найдена мёртвой практически через полтора месяца после убийства Черкесовой, а именно – двадцатого октября 1910 года. Её нашли сидящей на лавочке парка, который находится недалеко от её квартиры. Колосок застрелили в спину с близкого расстояния, можно сказать – в упор. Доктор установил, что смерть наступила мгновенно. При ней не нашли ни сумочки, ни даже кошелек, карманы тоже были пустыми. На первый взгляд напрашивается версия ограбления, но тут тоже не всё так просто. Как я уже говорил, жила она недалеко от парка, жила одна – ни мужа, ни детей не имела. В кабаре говорили про её связь с юристом Зуевым Аркадием Феоктистовичем, – он завсегдатай этого заведения, – но в последние два дня до убийства их вместе никто не видел, и в кабаре он не появлялся. Проверка подтвердила, что в эти дни он был полностью занят работой со своими клиентами, и дальнейшее расследование показало, что к убийству он не причастен. Больше по факту этой смерти выяснить ничего не удалось.

Аркадий Францевич, не отрываясь, смотрел на посмертный снимок Зинаиды Колосок. Она аккуратно сидела на ажурной парковой скамье в горделивой позе, слегка откинув голову назад. Взгляд красивых распахнутых глаз был задумчиво устремлён вдаль, словно она внимательно высматривала что-то. И если бы не видеть небольшое пятно крови, запёкшейся на груди, даже в голову не пришло бы, что красавица на этой фотографии – мёртвая. Кошко отчётливо представил себе, как смерть мгновенно забрала свою жертву, не оставив ей ни одного шанса, чтобы выжить. Очень преждевременная смерть... Какая жалость! И опять возник этот же вопрос: чья жестокая рука и почему уничтожила безвременно такой роскошный цветок?

– А вот это самая скандальная новость, – пояснил Филиппов, подавая главному московскому сыщику ещё одну фотографию. – Это последняя убитая, – танцовщица злосчастного кабаре Горец Александра Марковна, двадцати пяти лет. Она была обнаружена пятого января 1911 года в своей собственной гримёрке поздно вечером. Сразу после выступления, – она даже переодеться не успела! Удар кинжалом был нанесён со спины и попал прямо в сердце. Кинжал не найден, но если судить по ране на спине, то лезвие его узкое, достаточно длинное и очень остро заточенное. Такой нож, вероятно, вошёл в тело – как в масло! Смерть мгновенная. И опять никаких следов, хоть тресни! – с досадой добавил Владимир Гаврилович.

Кошко внимательно изучал фотографию Горец. В яркой концертной юбке, в разноцветных перьях, с пышными волосами, собранными на греческий манер, девушка была похожа на какую-то заморскую экзотическую птицу. Она начала раздеваться после выступления, а потом словно задумалась на минуту, свободно положив руку на свой туалетный столик, с мечтательной полуулыбкой на прекрасном лице. Да так и осталась сидеть... Гордая красавица Горец перешла черту жизни, ничуть не изменившись. Опытный сыщик снова представил себе эту нелепую жестокую смерть. Уж на что он давно, казалось бы, привык к разным смертям, но тут даже он содрогнулся от столь безжалостного злодеяния. Ей бы ещё жить да жить...

– Она проживала одна?

– Одна. В её квартире, которую она снимала в полуподвальном этаже доходного дома, тоже не нашли ничего существенного, так же, как и в квартирах Черкесовой и Колосок.

– Да-а-а... – Кошко разложил фотографии в ряд, – пожалуй, странные смерти... Посмотрите, как эстетично они смотрятся после насильственного перехода в мир иной. Мне как-то не верится, что это – работа рядового преступника! Так и хочется сказать, что работа изящная, такая французская, аккуратная, без всякой грязи и неприглядности. Прямо-таки не убийства, а произведения искусства! Честно говоря, – первый раз такое вижу! Всё отточено, как в балете у Мариуса Петипа. Интересно, что бы он сказал, увидев этих изящных красавиц? Я так полагаю, что место преступления вы осмотрели тщательно? – задал он дежурный вопрос, продолжая рассматривать лежащие перед ним фотографии.

– Тщательно, – тяжело вздохнув, подтвердил Владимир Гаврилович. – Да только что можно выяснить, если в кабаре находится восемнадцать гримёрок? Восемнадцать, – пояснил он, – это по числу танцовщиц, и расположены они одна за другой вдоль всего коридора справа от сцены. На момент проверки только три из них пустовали, это гримёрки Черкесовой, Колосок, ну и, естественно, Горец, так как после их смерти директор запретил принимать новых артисток до тех пор, пока не прояснится ситуация с убитыми девушками. Гримёрка Горец была самая первая от сцены. На каждой комнате есть замок. Но, как правило, гримёрки не закрывались, и этими замками никто не пользовался, так как чужих там не было, вот девушки и не опасались... Коридор этот, где располагаются все гримёрки, является, так сказать, служебным коридором, поскольку им пользуются только танцовщицы и несколько человек из руководства и обслуживающего персонала. А именно – постановщик-декоратор Славин Невзор Игнатьевич, его подсобник рабочий сцены Абросимов Ждан Зосимович и швейцар Кожуховский Богдан Остромирович, а также бухгалтер Бельский Нестор Трофимович и сам директор Фальчук Пейсих Иосифович, как я уже говорил. Вот, пожалуй, и всё.

В ходе следствия установлено, что в момент убийства Горец швейцар находился при входе и встречал поздних гостей, костюмер-декоратор и подсобник проверяли и контролировали освещение сцены, а директор и бухгалтер в это время были уже дома. В книге учёта швейцар отмечает время прихода и ухода каждого работника кабаре, – словом, полный ежедневный контроль времени всех работающих, так что там отмечено время ухода и директора, и бухгалтера. Таким образом, в момент убийства Горец их там даже не было. Ну а оркестр, – заметьте, в полном составе, – всё ещё продолжал играть перед сценой.

Остальным служащим запрещено ходить за кулисами по этому коридору, для них есть другой коридор – по левую сторону от сцены. Убитую Александру Марковну Горец случайно обнаружила другая танцовщица, забежавшая к ней на минутку что-то спросить, Нинель Эмилиановна Аглинцева, особа очень симпатичная и живая. По звонку из кабаре полиция приехала сразу же, почти одновременно с бухгалтером и директором. Декоратор с подсобником прибежали чуть раньше и перекрыли выходы из коридора. Мы тут же перешерстили все гримёрки, но орудие преступления найти не получилось. Мы, похоже, всё-таки опоздали... А какой потом шум и гвалт поднялся! Все взбудоражились, да ведь и просто страшно им всем стало, а что делать, никто не знает! Шутка ли, только что человек был жив, здоров и весел, все не успели ещё даже снять грим и костюмы, а человек уже зарезан! Как овца какая, прости, Господи! Ещё одна существенная деталь: мы проверили всех танцовщиц, но среди них нет ни одной с преступным прошлым, или хотя бы с подмоченной репутацией, так сказать. Так что вынужден признать, что наше следствие зашло в тупик, – с сожалением развёл руками Владимир Гаврилович.

У Владимира Гавриловича был за плечами огромный опыт работы в полицейской системе, и сейчас ему было крайне неприятно и болезненно признать своё бессилие. Однако надо отодвинуть в сторону своё уколотое самолюбие и непременно найти преступника – непременно найти! А то неизвестно, сколько ещё людей найдут убитыми! Да и в самом кабаре обстановка сложилась очень нервная. Все служащие напуганы и ждут эффективных действий полиции, а ему даже успокоить их нечем! Поэтому Владимир Гаврилович убрал подальше свою глубокую обиду на решение начальства и, как бы это ни было неприятно, смирился с помощью столичной знаменитости – он искренне готов был приложить все силы, чтобы содействовать Кошко в успешном раскрытии этого дела. К тому же – он знал Кошко в работе, и это в некотором роде примиряло его с посторонней помощью.

– В их безупречной репутации как раз нет ничего неожиданного, – сразу же пояснил Кошко, – ведь они все вышли из школ великих мастеров! Поэтому в данном случае нет ни малейшего сомнения в том, что у всех девушек репутация приличная, несмотря на их возможную бедность и работу в кабаре.

– Это, всё, конечно так, – согласился начальник полиции и тут же с досадой добавил, – да только что не танцуете им в приличных балетных труппах?! Тем более что ведь кто-то же проник в помещение кабаре и убил эту Горец! Да не дай Бог ещё, если это сотворил кто-то из своих, – Вы же знаете, что всякое в жизни случается!

– А давайте-ка, уважаемый Владимир Гаврилович, проедем мы с Вами сейчас в это самое кабаре, – говоря это, Кошко начал быстро одеваться, – посмотрим ещё раз всё на месте.

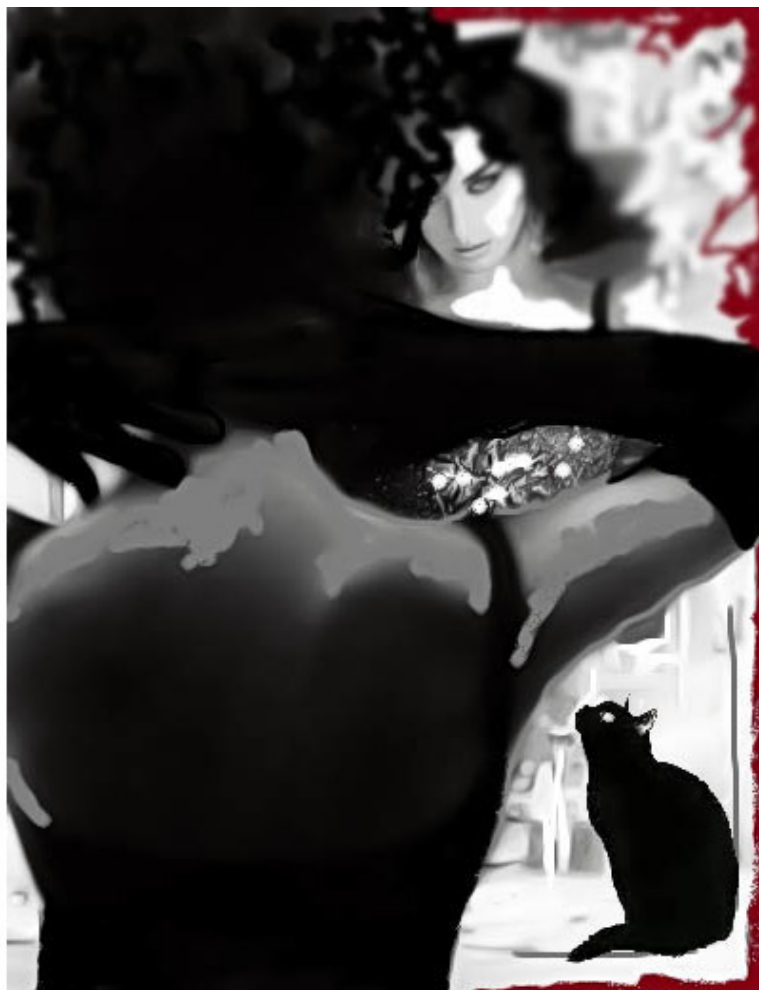
Не зря вспомнил Аркадий Францевич про балет, глядя на фотографии утончённых красавиц. Он очень любил этот вид искусства и знал всех ведущих солистов известных и знаменитых коллективов своего времени, – это и петербургская труппа, и труппа Мариинского театра, и труппа Большого театра, и только что созданная на основе «Русских сезонов» постоянно действующая труппа «Русский балет Дягилева». Все они различались своей школой и все были великолепны! Да ещё и несравненная музыка Петра Ильича Чайковского произвела в настоящее время полнейший переворот в балетном музыкальном сопровождении, – его поистине волшебная музыка раскрывала глубокое образное содержание произведения и придавала ему

особую выразительность. А полное воплощение чудесной музыки Чайковского в хореографии смог осуществить воистину великий, всемирно известный балетмейстер, которому рукоплескали обе столицы, Мариус Петипа. Это именно Чайковский и Петипа подарили взыскательной публике такие шедевры, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Жизель». Всё это быстро промелькнуло в памяти Аркадия Францевича, пока он собирался наведаться в кабаре.

А Филиппов в это время отдал распоряжения на время своего отсутствия и вызвал надзирателя сыскной полиции Севастьянова Петра Феофановича, – высокого солидного мужчину, который всё делал добросовестно и основательно и непосредственно занимался делом о загадочных смертях трёх танцовщиц, пригласив его с собой.

И уже буквально через несколько минут Филиппов вместе с Кошко и Севастьяновым ехали в кабаре «Медуза». Это место было хорошо известно в городе, поэтому возникший быстро домчал важных клиентов до места и с шиком осадил своих гневных перед парадным входом в заведение. Их встретил швейцар, – плотный, выше среднего роста осанистый мужчина с пышными усами и весьма внушительной внешностью. Он сразу узнал начальника полиции и с угодливой улыбкой на лице быстро принял шубы из рук блюстителей порядка. Раздевшись, они на минуту задержались перед огромным зеркалом в роскошной раме, поправляя шевелюры, после чего вошли в зал, где гремел разудалый оркестр, а на сцене яркие девицы дружно вскидывали ножки, вытанцовывая зажигательный игривый канкан. Пришедших сопровождал один из охранников, Ивашов Тарас Глебович, – он и довёл их до директорского кабинета, после чего раскланялся с ними и вернулся на свой пост.

Директор кабаре, Пейсих Иосифович Фальчук, уже ждал их. Это был смуглолицый энергичный человек с ярко выраженной национальной внешностью. В данный момент он говорил с кем-то по телефону. Один карандаш у директора был привычно заложен за ухо, а другим он быстро и сосредоточенно что-то записывал на лежащем перед ним листке, – по всей видимости, то, что слышал в трубку, потому что время от времени он согласно кивал головой.

Однако, увидев в дверях своего кабинета входящих высокопоставленных полицейских чинов, он моментально отодвинул все записи в сторону и радостно заулыбался приветливой широкой улыбкой. Наскоро распрощавшись со своим невидимым собеседником, Пейсих Иосифович живо поднялся из-за стола и проворно заспешил навстречу дорогим гостям. В порыве переполнявших его чувств директор стал очень оживлённо и усердно трясти всем руки, радушно приветствуя полицейских в своём заведении. Весь его облик при этом излучал прямо-таки непомерную радость!

Поведение директора кабаре выглядело несколько наигранно и театрально, но фактически это было не так. Фальчук сам по себе был по натуре человеком достаточно импульсивным и, кроме того, сейчас он действительно рад был видеть этих людей, так что в его поведении на самом деле не было ни малейшего притворства.

– Чрезвычайно рад Вашему приезду уважаемый Аркадий Францевич! Благодарю Вас! Последняя, так сказать, надежда...

– Да полноте, Пейсих Иосифович! Подождите благодарить, ведь мы ещё ничего не сделали, – попросту ответил Кошко, прерывая тем самым изливающийся поток благодарностей.

– Я очень надеюсь, что Вы сможете! Нет, я не надеюсь, – я глубоко верю в это! – горячо продолжал взволнованный Пейсих Иосифович. И тут же горестно воздел руки к небу, – Ведь Вы понимаете, что нас закрыть могут, – и что тогда? Вы уже, конечно, в курсе дела?

– Да, Аркадию Францевичу известны все трагические обстоятельства, но мы хотели бы ещё раз осмотреть всё заведение, – ответил директору Филиппов, ясно давая понять, что сейчас не до пустых разговоров, – сейчас надо быстрее дело делать, и так уже много времени упущено.

– Конечно, конечно, господа! Одну минуточку, – прекрасно поняв намёк, засуетился Пейсих, – я позову сейчас нашего бухгалтера, Бельского Нестора Трофимовича, он тут работает давно и поэтому знает каждый уголок во всём здании, а также – обо всём и обо всех, и человек он очень ответственный, так что он Вам сейчас всё покажет и всё расскажет!

С этими словами директор выскочил в коридор и через минуту вернулся с верным другом-соратником, бессменным бухгалтером кабаре. Нестор Трофимович оказался высоким, худощавым, слегка сутуловатым мужчиной лет пятидесяти, но при этом каким-то сухим и жилистым, однако чувствовалась в нём некая скрытая сила, ведь недаром столько лет уже проработал он на своей хлопотной должности! Управляться с подведомственным ему хозяйством было – ох, как непросто, но он никогда ни на что не жаловался, а просто работал, и всё! И Пейсих очень ценил его за это качество и полностью ему доверял.

Нестор Трофимович с достоинством поприветствовал всех кивком головы и спокойно произнёс:

– Я к Вашим услугам, господа!

– Мы бы хотели в первую очередь осмотреть гримёрку Горец, – распорядился Кошко, уже полностью настроенный на рабочий лад.

– Следуйте за мной, – пригласил всех Нестор Трофимович и, не оглядываясь, вышел из кабинета.

Директор проводил их долгим взглядом, сложил руки в молитвенном жесте, прижал их к груди и, подняв глаза к потолку, от всей души вздохнул:

– Господи, помоги им! Господи, помоги всем нам! Пожалуйста, Господи! Ну что Тебе стоит? А?

Пейсих Иосифович уже долгое время пребывал в таком расстроенном и взвинченном состоянии из-за всех последних событий, что не мог толком ни спать, ни есть! Он даже отошал, из-за чего его жена очень переживала! Пейсих был человек бывалый и всякого повидал в своей бурной жизни, проще сказать – жизнь его не баловала! Он совершенно справедливо полагал себя стреляным воробьём и тёртым калачом, и потому всем своим внутренним чутьём понимал, что внезапные смерти всех трёх девушек – звенья одной цепи, вот только не представлял, какой именно. Поэтому-то в его голове неотвязно и неотступно крутился день и ночь один вопрос, вернее – два вопроса: «Кто их убил?» и «Кто будет следующий?». Поскольку ни на одну из смертей у следствия не было никакого объяснения, Пейсих Иосифович даже не сомневался, что на этом всё не закончилось, и продолжения можно было ожидать в любой момент. А это для Пейсиха Иосифовича означало верную гибель, потому что кабаре закрыли бы сразу и навсегда! По правде говоря, и сейчас-то всё уже буквально висит на волоске! И что тогда? Хоть по миру иди с протянутой рукой! А что тогда будет с его дорогими детьми? При мысли о детях у любящего отца даже желудок скручивало болезненным каким-то спазмом, и оттого – никак нельзя было допустить грядущей верной гибели кабаре, об этом даже страшно было подумать!

Поэтому, когда измученный Пейсих Иосифович узнал, что за расследование взялся сам Кошко, душа его возликовала и в ней зародилась надежда! Директор кабаре был наслышан про главного начальника московского розыска, и потому сейчас широченная счастливая улыбка не сходила с его лица, и он даже плавно прошёлся по кабинету, кружась и пританцовывая от радости!

Сначала бухгалтер вёл полицейских по левому крылу коридора, в котором находился кабинет директора и его собственный кабинет. Потом, не сбавляя шага, Бельский миновал сцену и свернул в правое крыло, где располагались только гримёрки танцовщиц. Гримёрка Горец была самая первая от сцены. Нестор Трофимович легонько толкнул незапертую дверь и чуть отступил в сторону. Взору троих мужчин открылась крошечная тесная комнатка, в которой было место только для одного человека, да и то – очень мало. Кошко без промедления

вошёл туда и приступил к осмотру, попутно делая какие-то замеры, а иногда что-то быстро записывал в свою записную книжку. Филиппов и Севастьянов молча стояли в раскрытой двери каморки и внимательно наблюдали за действиями столичного сыщика. Бельский с любопытством выглядывал из-за их спин, стараясь не пропустить ничего интересного, и тоже ничего не говорил.

Все вещи и прочие принадлежности несчастной Горец по-прежнему лежали на местах, так как, во-первых, Пейсих Иосифович приказал ничего не трогать, пока с этим делом не разберётся сам Кошко, а во-вторых, дирекция не собиралась кого-либо нанимать до окончания расследования. Танцовщиц, конечно, не хватало, хотя желающих работать в таком известном месте было предостаточно, но внутренняя порядочность Пейсиха Иосифовича не позволяла ему сделать это, – зачем же подвергать риску новых девушек? Уж когда всё выяснится, – ну тогда, конечно, надо будет искать новых артисток, а пока – нет! Сценические костюмы Александры Марковны всё так же висели в шкафу, и всё так же лежала вся парфюмерия и косметика на столике с большим зеркалом. Даже туфли Горец по-прежнему стояли под столом, – словно их хозяйка отлучилась ненадолго и с минуты на минуту вернётся опять.

Покончив с осмотром и замерами, Кошко обратился к Бельскому:

– Могу я сейчас побеседовать с Аглинцевой Нинель Эмилиановной?

– Она сегодня занята во всех номерах, – торопливо ответил бухгалтер.

– Хорошо, побеседуем с ней позже... Тогда скажите, здесь есть где-нибудь запасной выход прямо от сцены?

– Да, конечно! – коротко ответил Нестор Трофимович и зашагал в ту сторону, откуда все они недавно пришли.

Бельский повёл всех к сцене и за кулисами обогнул её, чтобы не мешать выступлению своим внезапным появлением. Там он, не сбавляя шага, достал из кармана связку ключей, выбрал нужный ключик и подошёл к маленькой и совершенно незаметной дверце, скрытой кулисами от посторонних глаз. Легко открыв замок, Нестор Трофимович первым шагнул за дверь и начал искать рукой выключатель на стене. Наконец неяркая лампочка загорелась, и в её жидком свете все увидели довольно широкий и длинный, совершенно затхлый, беспорядочно заставленный коридор, весь затянутый паутиной, заваленный разным ненужным хламом и старыми, пропылившимися от времени, театральными декорациями. Из-за нагромождённых вдоль стен предметов в некогда просторном коридоре оставался только один небольшой проход посередине, да и тот был шириной не более метра. Вот по этому-то узкому проходу, – осторожно пробираясь между досками декораций, какими-то коробками и ящиками, – и повёл бухгалтер всю следственную группу.

Вслед за Бельским шёл Кошко, за ним шествовал без конца чихающий от пыли Филиппов, и замыкал небольшую процессию Севастьянов, который из-за своих крупных размеров постоянно натывался на какие-то углы, доски, разломанные стулья и прочее, что свисало сверху и торчало со всех сторон, загораживая и без того узкий проход. Коридор своей запущенностью производил мрачное впечатление, но – что поделаешь! – его тоже следовало осмотреть до конца! Через некоторое время следователи, наконец, добрались до противоположной, такой же несимпатичной двери. Но в отличие от входной двери – эта была со скрипучими петлями и заржавленным замком, с которым Бельский провозился достаточно долго, прежде чем смог открыть его. Попутно он пояснил:

– Мы крайне редко пользуемся этим коридором. Его, как видите, приспособили под склад. Поэтому в основном сюда заходит только наш декоратор Славин Невзор Игнатьевич, потому что он занимается постановкой номеров и декорациями к ним, да ещё его подсобник Абросимов Ждан Зосимович, – они оба работают со сценой и отвечают за весь инвентарь, – больше сюда никто не ходит, знаете ли. Так что это его хозяйство! Но мы, то есть заведение, обязаны иметь запасной выход на случай пожара.

Когда дверь смогли, в конце концов, открыть, то увидели небольшой, заснеженный, огороженный со всех сторон задний дворик прямоугольной формы, по-видимому, летом сплошь заросший травой и мелким кустарником, так как теперь над нетронутой толщей снега были видны в большом количестве сухие метёлки трав и тонкие ветки чахлых кустиков. Дворик этот с трёх сторон окружали глухие стены высоких зданий, стоявших впритык одно к другому. Из них только стена кабаре имела выход в этот дворик, два других здания смотрели на дворик сплошными – без окон и дверей – торцевыми стенами. А четвёртая сторона дворика представляла собой сплошной старенький деревянный забор, посеревший от времени и непогоды. В нём находилась чуть заметная глазу калитка, и тянулась эта трухлявая изгородь практически вдоль всего правого крыла здания, под всеми гримёрками, ограждая чисто символическую территорию заведения, – примерно метра на два от стены кабаре.

Кошко не торопясь прошёлся по дворику, походил немного прямо по рыхлому снегу под окнами гримёрок, кое-где останавливаясь и внимательно вглядываясь в совершенно обычные, казалось бы, места. Филиппов, Севастьянов и Бельский с расстояния наблюдали за всеми перемещениями легендарного сыщика. Затем Кошко удовлетворённо кивнул головой, словно нашёл что-то важное, и снова вернулся к разошедшейся двери. Остальные трое молча последовали за ним.

– У кого ещё, кроме Вас, есть ключи от этого коридора? – обратился он к Бельскому.

– Так... один, стало быть, у меня, – начал загибать пальцы бухгалтер. – Второй ключ, естественно, у Славина, а третий – у директора, как и положено. Больше ни у кого таких ключей нет, знаете ли, – их всего три.

– Хорошо, с этим коридором-складом всё понятно. Давайте вернёмся туда, где находится кабинет директора, – распорядился Кошко, закрывая за собой скрипучую неказистую дверь.

Когда все выбрались из пыльного помещения и оказались снова за кулисами, Филиппов попросил Бельского показать Аркадию Францевичу расположение чёрного хода в кабаре, которым обычно пользовались все работники заведения. Бельский понятиливо кивнул и повёл всех опять в левое крыло здания. Сыщики миновали двери всех кабинетов и каких-то архивов, и подошли к рабочему входу в кабаре, который располагался в конце коридора, в самом его торце, рядом с уборными. Парадный вход был открыт только для посетителей заведения, а этим ходом пользовались все служащие кабаре. Кошко тщательно зарисовал схему всего этажа и опять сделал какую-то пометку в записную книжку.

– Скажите, пожалуйста, Нестор Трофимович, у вас танцовщицы работают по контракту?

– Да, – утвердительно ответил Бельский, – первоначально со всеми заключается полугодовой контракт, а потом продлевается в случае согласия обеих сторон. На бессрочных контрактах постоянно работают только работники мужского пола.

– Вы можете предоставить мне полный список работающих здесь людей?

– Да, конечно. Хотя я уже подавал такой список Владимиру Гавриловичу, – несколько удивлённо ответил Бельский и взглянул на Филиппова, ожидая от него поддержки и подтверждения своим словам, однако Филиппов промолчал.

– Ничего, я снова запишу. Вы ведь всех, наверное, помните?

– А что тут не помнить? Служащие кабаре работают в две смены, поэтому – сменяя друг друга – в одну смену обслуживают посетителей по два официанта, в заведении дежурят по два охранника, знаете ли, а также здесь находятся по два уборщика и один швейцар. Из постоянных работников тут ещё есть постановщик-декоратор, его подсобник, ну и, конечно, я с директором. С оркестром у нас временный контракт, они здесь не на постоянной работе. Танцовщиц обычно восемнадцать, но на данный момент осталось только пятнадцать, новых не нанимаем. Вот, пожалуй, и все наши работники.

– А теперь, будьте добры, назовите мне тех, кто работал здесь в день смерти Горец. И отдельно – тех, кто находился здесь на момент убийства.

– Значит так, – Бельский поднял глаза к потолку и даже наморщил лоб, стараясь всех припомнить и никого не упустить, – в тот день здесь находились два охранника, Ивашов Тарас Глебович и Жихарев Аристарх Филитонович. Они находились здесь допоздна, ждали другую смену, так как ночные охранники приходят и остаются сторожами на всю ночь. Дальше, – загибал пальцы Нестор Трофимович, – допоздна были в тот вечер два официанта, Пренчик Климент Кондратьевич и Дерябин Егор Васильевич. Ещё в кухне ресторана оставался главный повар, француз Пьер Гиге. Ну, и, конечно, все шестнадцать танцовщиц, включая Горец. Да, на тот момент они все были тут, хотя обычно половина состава, знаете ли, занята в первой половине дня, а половина – в другой. Нас с директором уже не было, мы приехали только тогда, когда около одиннадцати часов вечера швейцар позвонил мне и ему на дом и сообщил, что Нинель Эмилиановна Аглинцева только что обнаружила мёртвую Горец, практически сразу после выступления. Мы, разумеется, сразу же примчались сюда. Ну а дальше вы и сами всё знаете...

Кошко быстро записывал все имена, которые называл Бельский, а записав – спросил:

– И что же, – швейцар не мог сказать, кого он выпускал из кабаре за это время? – Кошко с лёгким удивлением взглянул на Бельского.

– Конечно, конечно, – заторопился с ответом Нестор Трофимович, – прибывшая полиция опросила швейцара в первую очередь! И он тогда дал показания, что все, кто ушёл за это время, – постоянные клиенты заведения. И охранники уверяли, что за кулисы никто из постоянных не проходил. Так что ничего к этому больше добавить не могу, знаете ли, – извиняющимся тоном закончил Бельский.

И развёл руками с таким видом, что, дескать, – и рад бы помочь, если бы хоть что-нибудь ещё знал! А так – вот он я, весь перед вами, и взять с меня больше нечего!

– Ну что ж... – медленно произнёс Кошко, – тогда ответьте на другой вопрос. Вам, может быть, известно, – между девушками были какие-либо конфликты, разногласия, споры, размолвки?

– Понятия не имею! – воскликнул Бельский и даже в порыве честности прижал к груди сжатые кулаки. – Конечно, в женском коллективе случаются какие-то недовольства, знаете ли, но я никогда не вникаю в эти женские сплетни, хотя зачастую девушки бегают ко мне пожаловаться, – то одна, то другая, – зная о том, что я не разношу досужие вымыслы и слухи. А им надо выговориться, вот и прибегают ко мне душу облегчить. А я слушаю в пол-уха, знаете ли, потому что мне совершенно не до этого, и так дел по горло! Но всё это были какие-то мелочи, серьёзных ссор не было, во всяком случае, – мне об этом не докладывали. Наверное, об этом лучше у Славина спросить, он с ними гораздо больше времени проводит, так как отвечает за всю художественную постановку, за костюмы и вообще за всю сцену, и за всё, что на ней происходит. Они здесь все работают только, знаете ли, с его согласия и одобрения!

– А по каким критериям танцовщиц принимают на работу в кабаре?

– В первую очередь, конечно, по росту и размерам, они должны подходить под стандарт. Во вторую очередь – их тестирует Славин. И только после этого, знаете ли, если кандидатура подходящая, то мы знакомим девушку с условиями контракта. Если её всё устраивает, то подписываем контракт, и на этом всё. Контракт – для всех одинаковый.

– Но при современном развитии балета у многих из девушек позади балетные школы, – заметил Кошко, – и они могли бы найти более престижную работу. Почему же они идут работать в кабаре? Вы их об этом не спрашивали?

– Причины, знаете ли, самые разные, – немного подумав, ответил Бельский. – Кто-то не прижился в прежнем коллективе. Кто-то пришёл сюда, потому что здесь платят больше. А кто-то не имеет специального образования – нет за плечами балетной школы, но если девушка обладает подходящими данными и старанием, то Славин занимается и с такими, и они

тоже при деле, – и чуть помедлив, рассудительно добавил, – это же всё-таки кабаре, знаете ли, а не оперный театр.

– Да, да, Вы, конечно, правы, – согласился Кошко, – только у меня к Вам будет одна настоящая просьба.

– Слушаю Вас, – Бельский весь превратился в сплошное внимание.

– Чтобы побыстрее разобраться в этом, как Вы сами понимаете, непростом деле, – Кошко пристально посмотрел на Бельского, а тот быстро-быстро закивал головой, что да, конечно же, он прекрасно понимает всю важность момента, – я прошу Вас принять на работу в качестве танцовщицы одну молодую особу, которая является тайным агентом полиции.

Бельский ожидал услышать что угодно, но такое!.. Он слегка опешил, однако быстро смог взять себя в руки:

– Если только Славин согласится, то проблем не возникнет, я думаю. Что касается меня, то я – за! – В самых искренних чувствах он даже прижал ладонь к сердцу. – Да я всё сделаю, лишь бы найти убийцу! Директор, полагаю, тоже возражать не станет!

– Вот и славно! Договорились! Тогда я пришлю её к Вам со своей запиской.

Филиппов порывался что-то сказать, но Кошко жестом остановил его, и Филиппов понял, что все вопросы и разъяснения – потом, поэтому просто хмыкнул и многозначительно промолчал. И, распрощавшись, наконец, с Бельским, – Кошко, Филиппов и Севастьянов отправились обратно в участок. Необходимо было срочно посоветоваться и быстро предпринять какие-то действия.

Вернувшись в отделение, все трое продолжили обсуждение этого вопроса. Кошко не просто так предложил внедрить в группу танцовщиц своего тайного агента. Он по своему опыту знал, что это – весьма эффективный способ сбора нужной информации. Он и сам, невзирая на свой чин, порой пользовался этим приёмом. В кого только ему не доводилось перевоплощаться при расследовании совершенно безнадёжных дел, кем он только не был за все годы своей сыскной деятельности! К тому же сейчас всё это делалось строго в рамках законности, поскольку буквально пару лет назад, а именно – шестого июля 1908 года, был принят специальный закон «Об организации сыскной части». Рост преступности по стране поражал своим размахом, и к настоящему времени преступность приобрела не только профессиональный, но и организованный характер. Поэтому борьба с ней требовала от полиции – перехода на новый, более высокий уровень работы. И лишь совсем недавно, девятого августа 1910 года, во исполнение этого закона министром внутренних дел Столыпиным Петром Аркадьевичем был создан крупный ведомственный акт, регулирующий деятельность всей системы сыскной полиции России – «Инструкция чинам сыскных отделений». В этой инструкции было чётко оговорено, что «основной целью деятельности сыскных отделений является негласное расследование и производство дознания в целях предупреждения и пресечения, раскрытия и преследования преступных деяний общеуголовного характера путём систематического надзора за преступными и порочными элементами, *используя негласную агентуру и наружное наблюдение*». Дело это было, конечно, каждый раз очень рискованным, но результат того стоил! И сейчас опытному сыщику такой шаг казался наиболее приемлемым вариантом. Потому что уже прошло достаточно времени со дня убийства, и убийца, если он работает в кабаре – а эту версию исключать никак было нельзя, – давно успокоился, сориентировался в ситуации, и будет вести себя очень осторожно, чтобы ни единым случайным словом или движением не выдать себя. А принятая на работу новая танцовщица ни у кого не вызовет подозрений, ведь все в заведении прекрасно знают, что танцовщиц – не хватает. А там, глядишь, – подставная артистка с кем-то подружится, кого-то сможет разговорить, а то и случайно может что-нибудь услышать или увидеть. Так что, в любом случае, рискнуть стоило!

– И кого мы можем послать? – нарушил молчание Филиппов, обращаясь к Севастьянову.

Как надзиратель сыскной полиции, Севастьянов имел под своим началом четырёх постоянных агентов и огромную, хорошо развитую сеть агентов-осведомителей. Среди постоянных агентов была одна женщина, но на роль танцовщицы она не годилась. Севастьянов сразу же и оповестил Кошко и Филиппова об этом с таким большим сожалением, словно он сам был виноват в том, что его агент не соответствует параметрам и возрасту балерины кабаре!

Филиппов и Севастьянов с вопрошающим видом обернулись к Кошко:

– Что Вы предлагаете, Аркадий Францевич?

– Я ещё думаю, – просто ответил Кошко. – Есть у меня кое-какие мысли и наметки, лишь бы *она* согласилась!

– А я полагаю, что надо бы ещё порасспрашивать Бельского, – рассудительно произнёс Филиппов и вопросительно посмотрел на столичного генерала, но тот думал о своём и потому ответил коротко:

– Не стоит, Владимир Гаврилович! Большого он не скажет, а для нас важно сейчас полностью восстановить картину последнего дня жизни Горец.

И чуть помешкав, неожиданно вдруг спросил:

– Владимир Гаврилович, а как Вам показался Бельский?

– Да вроде нормальный мужик, – с лёгким недоумением в голосе отозвался Филиппов. – Работящий, не скандальный, крепко держит в руках все дела кабаре, да и Фальчук ему полностью доверяет. Они уже не один год вместе работают. А к чему, позвольте полюбопытствовать, такой вопрос?

– Я вот на что обратил внимание, Владимир Гаврилович, – вспомните, как подробно и доброжелательно отвечал Бельский на все наши вопросы. НО! Как только речь заходила о Славине, – он вроде бы и о нём ничего плохого не говорил, однако не мог скрыть в голосе некоторые нотки злорадства и неприязни. Или мне показалось?

Филиппов сосредоточенно помолчал немного, вспоминая высказывания Бельского по поводу Славина, и обдумав кое-что, согласился:

– Да-а-а... Пожалуй, Вы правы!

Больше они Бельского не обсуждали, а вернулись к прерванной теме, – внедрению в кабаре тайного агента и осмотру кабаре.

– Может быть, нам следовало подняться на второй этаж заведения? Всё-таки там располагается большой игорный зал. Да и кухню мы не посмотрели, – продолжил Филиппов.

– Пока это не обязательно, поскольку в игорном зале нет других входов-выходов, кроме единственного входа, которым все пользуются. А главный повар кухни кабаре не вступает в непосредственный контакт ни с клиентами, ни с танцовщицами, – всё общение идёт только через официантов, а в случае недоразумений – через Бельского, – ответил Кошко.

– Да, верно. Причём в списках полиции ни один работник «Медузы» не числится!

– Это вполне естественно и вполне объяснимо, Владимир Гаврилович. Кабаре очень дорожит своей репутацией, – Кошко вздохнул, – там никогда бы не приняли на работу человека с криминальным прошлым, будь это хоть сам принц датский! И поскольку сейчас нам зацепиться не за что, будем ждать результата от работы агентов. Очень надеюсь, что это сработает!

Обсудив ещё кое-какие моменты этого загадочного дела, Кошко распрощался с Филипповым и Севастьяновым.

Глава 2

Тайный агент

Аркадий Францевич на время следствия поселился в лучшей гостинице Санкт-Петербурга «Англия», где ему был предоставлен великолепный номер! Управляющий этой гостиницы, Вильгельм Карлович Ломач, был давнишним приятелем главного сыщика России ещё с той поры, когда Кошко был очень далёк от генеральского звания и работал заместителем Филиппова! Да к тому же, Кошко однажды очень выручил Вильгельма Карловича в одной весьма щекотливой ситуации, так что по всем причинам приём ему здесь оказывался поистине царский! И вот теперь, вернувшись в свой роскошный гостиничный номер, Кошко вызвал агента по поручениям, Вяземского Василия Васильевича, которого Севастьянов предоставил в его распоряжение на всё время следствия.

Вяземский был умным думающим человеком, причём с немалым опытом работы. А в то время во всех слоях общества отношение к сыскальной полиции было не очень хорошим, вернее будет сказать – резко отрицательным! И работающие здесь люди у простых обывателей уважением не пользовались. Но Вяземский пришёл на службу в сыскное дело обдуманно и целенаправленно, несмотря на яростное сопротивление всей родни – он страстно желал всеми силами души бороться с преступностью, – и не только желал, но и по мере сил делал это! Глядя на него, Кошко вспоминал начало своей службы в полиции и находил в их судьбах много похожего. Ему самому тоже немало упрёков пришлось выслушать от своей семьи, прежде чем его, наконец, оставили в покое... Словом, помощник Аркадию Францевичу достался хороший, – работающий, преданный и надёжный.

И теперь Кошко приказал Вяземскому срочно выяснить, где проживает и чем занимается в настоящий момент молодая француженка Аннет Булон, и – если есть у неё телефон, раздобыть его номер. Расторопный Вяземский быстро справился с поручением, и уже через час Кошко звонил этой девушке. Аннет Булон была молодая очаровательная особа двадцати четырёх лет, с которой он не так давно познакомился при расследовании одного скандального уголовного дела в семье богатого промышленника, где Аннет служила гувернанткой. Всё было подстроено так, что вина падала на Аннет, и ей грозила пожизненная каторга, хотя девушка была абсолютно не виновна. И если бы Кошко не сумел доказать её полную непричастность к совершённому преступлению, то эта юная душа так и сгинула бы навеки в далёкой Сибири. Только его мастерство, его усилия, его вмешательство – спасли девушку от неминуемой гибели. И сейчас именно на Аннет, на её помощь делал ставку заслуженный генерал!

Она сначала удивилась его звонку, затем очень обрадовалась. После первых приветствий Кошко сразу поинтересовался её работой, и мадемуазель с некоторой заминкой ответила, что сейчас она без работы, но усердно ищет место гувернантки. Кошко не стал продолжать беседу по телефону, а просто пригласил её прийти в полицейский участок, сказав, что у него к ней – очень серьёзный разговор. Аннет терялась в догадках, – что же её там ожидает? Но она испытывала к генералу огромное уважение, доверие и чувство благодарности. Поэтому совсем скоро, спустя немного времени, изящная грациозная мадемуазель Булон уже сидела в кабинете Филиппова и внимательно слушала Аркадия Францевича.

– Ваша просьба, конечно, очень необычна, – Аннет задумалась. – Сама бы я никогда не пошла в кабаре на эту вульгарную работу. Никогда не пошла бы! Но мне очень хочется помочь Вам, Аркадий Францевич! И я, возможно, соглашусь, но я не уверена, – справлюсь ли я с Вашим заданием? Мне не хотелось бы подвести Вас! И как долго я должна буду там находиться? Я сейчас очень взволнована, поэтому скажите подробнее ещё раз, – что я должна там делать и для чего Вы хотите меня туда послать?

Кошко очень понравился её деловой подход к его просьбе: несмотря на несколько нервное состояние девушки от получения такого странного задания, она понимает всю важность и ответственность предстоящей работы, мыслит в правильном направлении и не тратит времени на ненужные ахи и охи, а все вопросы задаёт по – существу. В душе Кошко был очень рад, что не ошибся с выбором кандидатуры, и, поговорив с ней, он окончательно уверился в том, что француженка – не подведёт!

– Вы уйдёте оттуда, как только мы разберёмся с этим делом! Думаю, что это не затянется надолго, – месяца два-три. Возможно, меньше. Но Вы не обязаны соглашаться. Я объяснил Вам сложившуюся ситуацию и не скрываю от Вас, что Ваше пребывание в кабаре сопряжено с большим риском.

– Постараюсь не подвести Вас, уважаемый Аркадий Францевич! – с жаром произнесла Аннет, взволнованная оказанным ей доверием и предстоящей работой. – Риск меня не пугает, это не главное. Надеюсь, что всё у нас получится!

– Благодарю Вас, Аннет. Но всё же прошу Вас не подвергать себя излишней опасности! Помните только одно, – нам требуется восстановить в подробностях последний день жизни Горец и постараться выявить преступника. При этом всё, что Вам удастся узнать, будет ценнейшей помощью следствию.

– Но Вы говорите, что со дня её смерти прошёл уже почти месяц, а это – достаточный срок для того, чтобы что-то изменилось, а что-то забылось!

– Да, это так, – Кошко сурово сдвинул брови, подчёркивая всю серьёзность и важность предстоящей работы, – но я продолжаю надеяться. Преступник всегда оставляет какие-нибудь следы, надо только постараться их найти! Именно этим мы с Вами и займёмся! А теперь вот, взгляните на фотографии всех убитых девушек, – и он протянул ей снимки. – Что Вы на это скажете, Аннет?

Аннет взяла фотографии и с нескрываемым интересом стала всматриваться в них так, словно надеялась увидеть там что-то особенное, важное, – то, что до неё не смог разглядеть никто другой! Своей женской логикой она постаралась домыслить и выстроить всю картину случившегося. Немного подумав, она как-то нерешительно произнесла:

– Какие-то смерти не по-русски... Это сделал не обычный человек...

Кошко внутренне поаплодировал ей, – bravo, мадемуазель! Ведь у него самого первое впечатление от этих снимков было именно такое же!

– Теперь Вы меня понимаете?

– Да, я Вас понимаю, – медленно проговорила Аннет, – я бы назвала эти убийства *арт-убийствами*. И вообще, у меня почему-то сложилось впечатление, будто эти смерти – часть одного большого спектакля. Но, впрочем, это всё только моё воображение, не надо придавать моим словам большого значения!

– Ошибаетесь, дорогая Аннет, именно этому и стоит придавать значение! – Кошко был краток, – Когда я осматривал кабаре, то сразу подумал о Вас. Вы человек внимательный и наблюдательный, и только Вы сможете найти убийцу, – так сказать, постановщика этого жуткого спектакля. Вы его *почувствуете*, так как вещественных, материальных доказательств – он не оставил.

– Но я могу и ошибиться, – неуверенно ответила Аннет.

– Очень сомневаюсь в этом, – Кошко посмотрел на неё в упор, словно всей силой мысли старался передать ей свои знания и свою уверенность в успехе, – я же не прошу Вас искать *вещественные* доказательства! Вы только наблюдайте за словами и действиями находящихся рядом с Вами людей, а там уж поступайте по своему усмотрению...

– Понимаете, я вообще-то тоже не так уж и далека от искусства, я его люблю и преподаю основы искусства своим воспитанникам, – горячо произнесла девушка. – Но дело в том, что все

артисты, художники и прочие люди искусства – они, как правило, видят мир совсем другими глазами, а их тут полно в кабаре, и каждый стремится реализовать себя...

– Это так, – согласился Кошко, – но у этого артистичного убийцы есть одно маленькое отличие от прочих других.

– И какое же?

– Это, скорее всего, психопат, – человек очень жестокий и безжалостный, возможно – маньяк. А психопаты, дорогая Аннет, очень любят манипулировать другими людьми по своему желанию и настроению. В любом случае, нашему убийце чуждо душевное сострадание, хотя он может очень натурально рыдать крокодильими слезами над какой-нибудь ерундой, наподобие раздавленной букашки! Но, однако, при этом он очень восприимчив к изящному и неравнодушен к красоте. И... он всегда остается в тени, так сказать, вне всяких подозрений!

– Что ж, вполне резонно! – здраво рассудила молодая француженка.

– Но почувствовать эту грань вполне возможно, надо лишь только понаблюдать за человеком некоторое время в обычной его среде обитания и окружения. Поэтому Вам следует быть внимательной не только в общении с работниками кабаре, но и наблюдать в оба глаза, по возможности, конечно, – как за посетителями, так и за теми, кто приходит к танцовщицам. Прислушивайтесь ко всем разговорам и анализируйте всё услышанное. Обращайте внимание на мелочи, потому что, как правило, эти люди попадают не на крупном, а именно на мелочах, которым не придают значения. И, конечно, не забывайте, что два человека в кабаре прекрасно знают о том, что Вы – наш агент. На данный момент – для нас в этом неразгаданном мире «Медузы» все являются тёмными лошадками! Поэтому если что-то покажется Вам необычным, если что-то вдруг Вас насторожит или просто привлечёт Ваше внимание, – сразу же сообщайте мне об этом, а мы уж решим что дальше делать с полученными сведениями. Вам всё понятно?

– Да. Я всё поняла. Я согласна, – решительно тряхнула Аннет своей хорошенькой головкой.

Рассуждения и разъяснения Аркадия Францевича подействовали на Аннет должным образом. Она быстро успокоилась и собралась внутренне, уже полностью нацеленная на успешное выполнение такого непривычного для неё поручения. Да и, кроме того, она очень хотела быть полезной Кошко в знак признательности, – ведь он спас ей жизнь, в буквальном смысле этого слова! Напоследок Кошко обговорил с Аннет денежное вознаграждение, несмотря на её сопротивление, затем быстро написал Бельскому короткую записку и Аннет ушла.

– Правильно ли мы поступаем? – обеспокоенно спросил Филиппов после ухода девушки, даже не скрывая своего сомнения, – всё-таки она не профессиональный агент, у неё могут быть неприятности, могут возникнуть какие-нибудь непредвиденные ситуации, она может, в конце концов, просто растеряться или напугаться чего-нибудь! Да ведь и риск большой, – мы же не знаем, кто убийца и где он скрывается. Как бы она своими неумелыми действиями не спугнула его!

– Полностью согласен с Вами, – честно признался Кошко, – но я точно знаю, что Аннет – единственный человек, кто безошибочно может определить этого тайного «эстета», любителя театральных убийств. Кроме того – она внимательный и наблюдательный человек, не склонный к иллюзиям и пустым мечтаниям, в отличие от большинства современных молодых девиц. Аннет на самом деле очень надежный помощник! Думаю, что при её содействии мы выйдем на след преступника.

– Каким образом? – недоумевал Филиппов. – Ведь сам Славин – искушённый театрал, танцовщицы тоже – после таких-то учебных заведений! Бельский в молодости считал себя непризнанным гением-трагиком. Даже директор – и тот в прошлом театральный художник!

Здесь, пожалуй, не лишне будет добавить, что всякому человеку от рождения Бог даёт самые разные способности и таланты. А вот как человек распорядится этим даром, как он сможет раскрыть, развить и реализовать этот дар – это уже зависит только от самого человека! Но тут уж – у кого как получится...

Однако вернёмся к разговору двух великих сыщиков:

– Не совсем так! Понимаете, тут дело не в образовании, – терпеливо уточнил Кошко, – кроме всех прочих качеств, этот убийца любитель и ценитель высшей формы красоты во всём, даже в смерти. Здесь, так сказать, важным является не столько образование убийцы, сколько сама театральность этих смертей. Да и кто гарантирует, что это сделал один человек? Здесь, в кабаре, все артисты, все творцы, если можно так выразиться! И где Вы, сударь, видели ещё такие элегантные убийства?

Филиппов сосредоточенно задумался:

– Пожалуй, нигде... Как-то не обращал внимания на элегантность покойников, верите ли... Тогда что? Получается – маньяк, что ли? Серийный убийца?

– Очень возможно, что и маньяк тоже. Причём – не лишённый художественных задатков!

– ...Тоже?

– Думаю, что скоро мы это узнаем. А теперь давайте подумаем, кого нам послать в кабаре, чтобы вести дополнительное наблюдение. Да и Аннет будет под прикрытием, в случае чего, так что будет не лишним подстраховать её!

– Женщины меньше попадают под подозрение, – прокомментировал Филиппов, обдумывая предложение Кошко, – хотя мне думается, что сейчас лучше послать двоих.

– Кого Вы предлагаете?

– Надо поговорить с Севастьяновым. Если из его агентов нужные нам люди свободны, то я думаю, что направить туда следует Шубину Веру Леонтьевну, – она очень хороший и умный агент, и нашего русского богатыря Ломова Глеба Кальяновича. За его простоватой внешностью скрывается острый и цепкий ум, – он чрезвычайно надёжный человек! И в случае опасности он не растеряется, а быстро примет единственно верное решение! Тем более что Ломов умеет играть в картишки, и может свободно находиться на втором этаже кабаре в игорном зале и играть наравне со всеми. А Шубина в это время будет вести наблюдение за всеми посетителями на первом этаже. Так что я бы хотел подключить к делу именно этих двоих! Хотя и про двоих других агентов Севастьянова не могу сказать ничего плохого, все они не на один раз уже проверенные люди.

Ну да, конечно, Вяземского Кошко уже знал. Видимо, и четвёртый постоянный агент Севастьянова – из того же теста! Ну что же, честь и хвала Севастьянову за такой подбор сотрудников! Да и самому работаете легче и спокойнее, когда есть на кого опереться...

– Хорошо, давайте так и сделаем, – Кошко охотно поддержал Филиппова, – только надо всё обговорить и детально уточнить, на что именно им следует обращать внимание, чтобы не распыляться понапрасну, а сосредоточиться на выполнении задания. Итак: прежде всего нам необходимо сейчас выявить завсегдатаев этого заведения, самых заядлых игроков, их отношения, взаимосвязи и так далее – здесь следует исключить все случайности! Сами знаете – карты, деньги, слепой азарт, – как правило, всё это имеет одну точку соприкосновения. Агентам придётся быть крайне осторожными. Нам очень важно – не спугнуть главную птицу!

С этим Филиппов был полностью согласен. Система, отработанная самим Кошко, всегда давала большую результативность. Да и Севастьянов дал нужных людей, так что пока всё складывалось благоприятно. И хотя пока, по сути, не было сделано ничего особенного, в душе Филиппова возникло весьма приятное устойчивое чувство, – что, наконец-то, дело сдвинулось с мёртвой точки!

В штате сыскной полиции состояли гримёр и парикмахер, настоящие мастера своего дела, а также имелся обширнейший гардероб всевозможной одежды, используемой для пере-

воплощения агентов в различные образы, как того требовала какая-либо конкретная ситуация. И потому вечером этого же дня, проинструктировав самым подробнейшим образом агентов, которым умелые руки уже придали шикарный светский вид, Филиппов отправил Шубину и Ломова в кабаре «Медуза». А Кошко вынужден был срочно уехать по другим делам, намереваясь быть снова не ранее, чем через три дня. Тут уж ничего не поделаешь, – другие дела тоже требовали его личного присутствия!

Элегантная хорошенькая Аннет не спеша подходила к «Медузе», оценивая наметанным глазом архитектуру сооружения. Она ожидала увидеть здесь что-нибудь наподобие парижского кабаре «Мулен Руж» с его красной мельницей, открытого для поклонников варьете на бульваре Клиши, близ площади Пигаль. Аннет слышала, что основной достопримечательностью «Мулен руж» стал знаменитый канкан, и там красный цвет крыльев мельницы недвусмысленно намекал на район красных фонарей! Вспомнив об этом, Аннет сейчас приближалась к кабаре с некоторым страхом и смятением в душе. Но совершенно неожиданно в отличие от парижского кабаре она обнаружила здесь не легкомысленную мельницу, а вполне приличное солидное здание, окрашенное в приятный жёлтый цвет, и большие окна с цветными витражами, которые сразу же напомнили ей картины Врубеля. Почему-то врубелевские «Демоны» всегда непонятным образом тревожили её душу! ... Так что же ждёт её за этими стенами? С трепетом в душе приближалась она к новому месту своей работы...

Тут её внимание привлекли яркие афиши, размещённые на фасаде заведения. На одной из них ослепительная красotka со жгучими чёрными глазами, в белом пенном кружеве многочисленных оборок, исполняла ошеломительный канкан. Краткая надпись над её изображением гласила: «Графиня-цыганка». Перед другой афишей просто хотелось остановиться и долго-долго любоваться сказочно красивой танцовщицей, настолько она завораживала. На этой афише тоже вполне лаконично было написано «Софья Гордеевна Коралли». Она была настолько хороша, что здесь даже ничего не требовалось добавлять, – всё было бы лишним! Да, конкуренция обрисовывалась вполне серьёзная! Аннет на минуту призадумалась, – сможет ли она встать с ними в один ряд? Но девушка тут же постаралась отогнать от себя лёгкую тень набежавшего сомнения и решительно шагнула к двери.

У входа в кабаре, немного не доходя до охраны, она увидела невысокого полноватого мужчину, который стоял рядом с афишей и чёрной краской аккуратно пририсовывал новую дату. Она сразу поняла, что это какой-то работник заведения и что он тут должен всё знать, и подошла к нему поближе. Это был подсобный рабочий сцены, Ждан Зосимович Абросимов. Он настолько старательно выписывал цифры тонкой кистью, настолько был увлечён своим занятием, что даже не сразу заметил присутствие рядом с собой молодой француженки.

– Простите, сударь, – Аннет слегка наклонила голову, уходя от прямого взгляда, – Вы не подскажете, – могу я увидеть директора кабаре?

– Конечно, можете увидеть, отчего же нельзя, – толстый человечек решительно направился к двери, и охрана пропустила его вместе с Аннет. – Вы к директору – по какому вопросу? По личному или служебному?

– Я по объявлению, – уверенно ответила Аннет, – узнала, что в кабаре «Медуза» требуются танцовщицы, вот и пришла устраиваться на работу.

Она быстро сняла перчатки и наскоро отряхнула снег с плеч и воротника пальто, а толстячок уже совсем по-другому взглянул на неё, сверху вниз, – по-новому оценивая посетительницу.

– Тогда Вам следует пойти туда, за сцену, – он взмахнул коротенькой ручкой в левую сторону. – Там по коридору кабинеты и директора, и бухгалтера, – потом повернулся к охраннику, – Аристарх Филитонович, проводите, пожалуйста, мадемуазель к господину директору.

Охранник кивнул головой, и Аннет, поблагодарив толстячка, последовала за сопровождающим. За сценой она увидела, как двое мужчин затягивали холстом рекламный щит, на котором была изображена ещё одна потрясающая красавица, и здесь тоже присутствовала только коротенькая надпись: «Александра Марковна Гореп». Рядом, прислонённый к стене, стоял ещё один щит – Аннет на несколько секунд приостановилась перед этой афишей и не без удивления прочла: мюзикл «Кармен». Видимо, сейчас этот щит будут прикреплять у входа в кабаре...

На сцене шла репетиция, и все танцовщицы стройным рядом в одинаковых юбочках выполняли одинаковые движения, разучивая новый танец. Всем этим действием умело руководил стройный, красивый и очень пластичный мужчина, элегантный, как парижский щёголь – и Аннет сразу поняла, что перед ней стоит ни кто иной, как сам Невзор Игнатьевич Славин, постановщик номеров и художественный руководитель этого коллектива. Девушка сразу почувствовала в нём классическую французскую школу балета и невольно залюбовалась Славиним. Невзор Игнатьевич тут же уловил на себе её пристальный взгляд и быстро обернулся, но Аннет со своим сопровождающим уже исчезли за кулисами.

Директор кабаре благосклонно отнёсся к трудоустройству *этой* новой танцовщицы, и через некоторое время Бельский Нестор Трофимович уже знакомил её со Славиним. Она внутренне готова была к тому, что Славин прикажет ей переодеться в балетный костюм и станцевать что-нибудь наподобие канкана, чтобы, так сказать, наглядно оценить её способности, и даже не исключала того, что она ему не понравится. Но к своему огромному удивлению, она услышала совсем другое!

– Невзор Игнатьевич, когда Вам будет угодно дать резюме по поводу мадемуазель Булон? От Вашего решения зависим все мы, – вкрадчиво и вместе с тем довольно настойчиво произнёс Бельский.

На это Славин совершенно спокойно посмотрел в маленькие глазки Нестора Трофимовича и твёрдо ответил:

– Оформляйте мадемуазель Булон на работу прямо сейчас. Я согласен.

– Да... но... она раньше работала только гувернанткой и не танцевала ни в каких балетах... – чуть не поперхнувшись от такой решительности Славина, растерянно промямлил бухгалтер. – Вы уверены, что у Вас не будет с ней проблем?

– Я уже ясно сказал Вам, что беру её, – настойчиво повторил Славин, бросив на Бельского несколько раздражённый беглый взгляд. И тут же уже совсем другим, мягким, приветливым голосом обратился к Аннет, – А Вас, мадемуазель прошу задержаться. Мне необходимо отвезти Вас в театральное ателье для пошива концертного костюма. Надеюсь, у Вас найдётся для этого немного времени?

– Да, конечно, – слегка кивнула Аннет, поражённая скоростью всего случившегося. – Господин Славин, я в точности буду следовать Вашим указаниям!

Ещё вчера утром она даже знать не знала и слышать не слышала ни про какую «Медузу», а сейчас – она уже полноправный работник этого заведения. Вот это поворот судьбы! Прямо как в сказке, чудеса – да и только! Теперь только бы не оплошать и выполнить всё, что от неё требуется. На секунду в памяти всплыли фотографии трёх девушек, которые совсем недавно ходили по этой же сцене, на которой сейчас стоит она, Аннет, – во что бы то ни стало она должна помочь найти коварного убийцу, чтобы он понёс заслуженное наказание за их погубленные жизни!

– Благодарю, – Славин галантно поклонился и, взяв крепкими ладонями хрупкие пальчики Аннет, чуть прикоснулся к ним губами.

Аннет смутилась от неожиданности, но от зардевшейся девушки не ускользнуло неприкрытое удивление в глазах Бельского. Он даже снял своё пенсне и в замешательстве принялся протирать стёкла. Обескураженный поведением Славина, Нестор Трофимович чуть

было не забыл, что должен пойти и подготовить контракт о приёме на работу этой «пронырливой девицы», как про себя он сразу окрестил Аннет, но быстро взял себя в руки:

– Мадемуазель, прошу Вас следовать за мной. Нужно доделать кое-какие формальности. Я не задержу Вас надолго.

Уходя с Бельским, Аннет мимоходом украдкой взглянула на сцену. Танцовщицы, радуясь неожиданной передышке, исподволь бросали любопытные взоры в её сторону, и Аннет опять невольно отметила про себя – насколько же они все красивы! Лица всех танцовщиц имели разные черты, их ни в коей мере нельзя было назвать похожими, и при этом – все они были безупречно красивы! Потом мысли её перескочили на Славина, – «Это совершенно не обычный человек... Да и вообще это кабаре не без странностей... Хотя, может быть, мне только так кажется, ведь я никогда раньше не бывала в подобных местах, да при этом ещё и в качестве танцовщицы...»

А дальше ей казалось, что остаток дня протекал, словно в волшебной сказке! Славин вызвал экипаж и повёз её в ателье, где она обнаружила ещё один приятный сюрприз, – главный художник по костюмам оказался тридцатилетним французом, вполне сносно говорившем на русском языке. Легкий акцент и небольшие ошибки в произношении ничуть не портили его, а напротив – придавали Луи Ришару истинно французский шарм и загадочную изюминку. Они с Аннет оказались земляками, – во Франции он жил в Париже, недалеко от площади Согласия, а она – в маленьком пригороде Парижа под названием Буживаль, где часто бывали и писали свои бессмертные полотна Моне, Ренуар и Сислей. У Аннет и Луи сразу же нашлось много общих тем для разговора. Оба были очень рады этому нежданному знакомству, – не просто как двое красивых молодых людей, а как двое соотечественников, встретившихся вдали от родины. Это встретились две родственные души...

Они с удовольствием перекинулись несколькими фразами на родном языке, тем более что Славин прекрасно понимал по-французски и потому никакого неудобства от этого не происходило. Затем Славин начал обсуждать с Ришаром все детали и особенности костюмов для Аннет, и она поразилась его грамотности, предусмотрительности и профессиональному чутью. Наконец Ришар сказал Славину:

– Месье, я знаю Вашу занятость и необходимость скорейшего изготовления костюмов для мадемуазель Аннет. Я постараюсь уложиться в ваши сроки. Все костюмы будут готовы через две недели, – и как галантный француз не удержался от маленького комплимента, – у мадемуазель очень точные классические размеры, и дополнительная работа не потребуется!

Когда Аннет со Славиним покинули костюмерную мастерскую, Славин неожиданно предложил ей пойти в ресторан. Аннет на минуту задумалась, а затем согласилась, – ведь она была сейчас не просто девушка, которую приятный молодой человек пригласил провести вечер в романтической обстановке, – она была тайным агентом, и об этом она не должна забывать ни на один миг! Славин привёз Аннет в свой любимый ресторан «Бель Вю», где были представлены разнообразные кухни на самый взыскательный вкус, в том числе и французская. Такая предупредительность Славина ещё более подняла его в глазах девушки – она поняла, что он хотел сделать ей приятное, и ему это прекрасно удалось!

Народу в «Бель Вю» было немного, играла лёгкая приятная музыка, настроение было приподнятым, – всё это и приглушённый мягкий свет действовали успокаивающе и расслабляюще. Молодые люди удобно расположились в углу зала за уютным столиком, сделали заказ, и в ожидании официанта между ними естественным образом завязался непринуждённый разговор. Аннет попросила Славина рассказать немного о себе и о кабаре, мотивируя свой интерес тем, что она новичок в этом деле и ей не хочется на фоне остальных танцовщиц выглядеть белой вороной. Аннет высказала опасение, – ведь она никогда раньше не танцевала на сцене, а лишь преподавала основы танца свои воспитанницам. О себе Славин сказал очень коротко,

буквально два слова, а по поводу её сомнений насчёт предстоящих выступлений сказал просто и ободряюще:

– Не переживайте так сильно, мадемуазель! Это не Мариинский театр, и уверяю Вас, что через две недели упорных тренировок Вы будете выступать не хуже остальных! Не терзайте себя больше из-за этого!

Затем разговор плавно перетёк в сферу искусств, и молодые люди не заметили, как пролетел вечер. Они вышли из ресторана на ночную завьюженную и неприветливую улицу, но даже несмотря на это, настроение их оставалось очень приподнятым. Однако – подошло время прощаться! Славин вызвал экипаж, заботливо устроил в нём Аннет, и она укатила домой, вполне довольная всеми событиями и совершенно очарованная прошедшим днём! А Славин, проводив Аннет, ещё долго смотрел ей вслед и думал, – а всё ли он сделал правильно? Он понимал, что у людей, конечно, случаются разные обстоятельства, но этой хрупкой пташке – явно не место на сцене варьете! Ну что же, как говорится, поживём – увидим! И он не спеша отправился к себе, тоже, впрочем, очень довольный сегодняшним вечером.

Аннет, уже лёжа в постели, не переставала перебирать в памяти все события сегодняшнего дня. Сон не никак не приходил, и она всё думала и думала, – о погибших девушках, о своём участии в их посмертной судьбе, о необычном задании Аркадия Францевича, о кабаре, о Ришаре, о Славине... Про Славина она наверняка поняла пока что только одно: у него своя методика работы, и никто ему не указ, – иначе его танцевальный коллектив не процветал бы так!

Теперь жизнь Аннет изменилась полностью и абсолютно ничем даже близко не походила на тот, прежний, образ жизни, который был у неё до вчерашнего дня. У бывшей гувернантки начались ежедневные изнурительные тренировки у станка по утрам и постоянные репетиции. Славин, безусловно, был очень требовательным руководителем. Но не было в нём никакого хамства, никакого высокомерия, никакого пренебрежительного отношения к девушкам. Он никогда ни к кому не придирался понапрасну, и поэтому работать с ним было приятно. С ним все танцовщицы чувствовали себя легко, свободно и непринуждённо. Девушки даже порой обсуждали с ним такие вопросы, что Аннет готова была в ужасе схватиться за голову, – сама она ни за что не решилась бы говорить с посторонним мужчиной на такие темы! Но что было ещё более удивительным, – Славин ко всему этому относился вполне серьёзно, каждую девушку выслушивал внимательно и все их женские проблемы решал быстро и самым нужным образом! К тому же – не раз он просто поражал Аннет своей эрудированностью!

Когда Аннет впервые подходила к стенам кабаре, она со страхом в душе думала о предстоящей ей работе, опасаясь присущей подобным местам вульгарности. Мадемуазель Булон согласилась на предложение Кошко только из-за огромного желания помочь ему, потому что считала себя очень обязанной Аркадию Францевичу. Но сейчас её мнение о кабаре в корне поменялось, – при Славине там никаких вульгарностей просто быть не могло! За кулисами незримо витал явственно осязаемый дух искусства, – лёгкий и приятный, как самые лучшие, самые изысканные французские духи! Как её любимые духи от Гарлена «Вода императрицы»!

Публика наслаждалась постановками Славина – а тут действительно было чем восхищаться, – и красочными выступлениями красивых танцовщиц, и интересными необычными постановками. Даже сам директор всегда прислушивался к словам Славина и его советам! И Аннет призналась самой себе, что вкус Славина – безошибочен и профессионален. Словом, как талантливый руководитель он был выше всяких похвал!

Единственное, что омрачало её радость и не давало спокойно спать по ночам, – это очень серьёзное и настойчивое предостережение Кошко. Аннет и сама понимала, что её нахождение в кабаре в качестве шпиона сопряжено с большим риском, но справедливое чувство в её душе требовало – если можешь помочь, помоги! Да и загадочные смерти трёх танцовщиц – эlegant-

ных, прекрасных и изящных в своей простоте, как сам Славин – всегда стояли перед внутренним взором Аннет и не давали ей покоя. От этих тревожных мыслей девушке становилось не по себе, и даже по ночам, без сна ворочаясь в кровати и глядя на ясную луну, она снова и снова задавалась одним мучительным вопросом, – *кто?*

На фоне искромётного блеска танцовщиц и зажигательной музыки танцевальных номеров, в огромном количестве букетов, аплодисментов и ненасытной к развлечениям публики – за кулисами неизменно витал призрачный образ покойной Горец, и, как казалось Аннет, он никуда и не уходил отсюда после кошмарного убийства. И хотя в коллективе, благодаря усилиям и умелым действиям Славина, не было распрей и скандалов из-за ведущих ролей, Аннет, как говорится, прямо-таки всей кожей чувствовала возрастающее напряжение. Но Аркадий Францевич просил вести наблюдение самым тщательнейшим образом, поэтому она только слушала, что говорят другие, только смотрела, что делают другие, и воспринимала всё это как бы со стороны, находясь при этом в самой гуще событий. По распоряжению Кошко – как только Аннет укажет на какого-нибудь подозрительного человека, его тут же было приказано отслеживать. Поэтому она очень боялась ошибиться и указать на невинного человека! Приходилось всё время быть начеку! Расслабляться было нельзя.

Через неделю после начала своей работы в кабаре, сосредоточенная и собранная Аннет опять сидела в просторном кабинете начальника полиции и докладывала Кошко и Филиппову о результатах своего семидневного пребывания в «Медузе» в качестве тайного осведомителя:

– Честно говоря, я с трудом вживаюсь в коллектив, но делаю всё, что велит Славин, и, по-моему, он пока мной доволен. Сказал, что ещё неделя репетиций – и я смогу выступать наравне со всеми.

Как только я подписала контракт с дирекцией кабаре, мне сразу же предложили занять одну из пустующих гримёрок. И – сама не знаю, почему – я выбрала гримёрку Горец. Скорее всего, меня привлекло удачное расположение этой комнаты. Как Вы знаете, – она самая ближняя к сцене, а в остальном – все гримёрки совершенно одинаковые. Как Вы и приказали, дверь я постоянно запираю на замок в целях личной безопасности. Сначала мне было приказано – в гримёрке Горец ничего не трогать, поэтому её вещи по-прежнему несколько дней находились на своих местах, как это было и при ней. Но директор, господин Фальчук, увидел, что из-за невозможной тесноты мне совсем негде разместиться со своим гардеробом, и сказал, что я могу убрать все эти вещи, если они мне мешают. Я и сложила аккуратно всё имущество Горец в большую коробку, мне чужого не надо, да и в гримёрке хоть чуть-чуть посвободнее стало. Может быть, это всё и ни к чему рассказывать, но ведь Вы, Аркадий Францевич, велели докладывать обо всём, чтобы был известен каждый мой шаг, поэтому я и говорю обо всех этих подробностях. Ну а теперь – о деле! Поначалу девушки-танцовщицы приняли меня несколько прохладно. Я понимала, что в первое время они просто присматриваются ко мне, – ведь для всех выглядело несколько странным то, что меня без всяких разговоров и даже без испытательного срока сразу приняли на работу, и это ещё при том, что у меня нет специального образования. Ну а через два дня все успокоились, любопытство пересилило, и теперь все стремятся поближе познакомиться со мной и поболтать на разные темы. А я, в свою очередь, пользуясь моментом, как бы невзначай, потихоньку старалась расспрашивать их про Горец. В общем-то, у неё со всеми девушками были хорошие отношения, но немного ближе других была одна – Кристина Казатуловна Лепко, и мне, знаете ли, показалось, что эта Лепко также знает и о Колосок с Черкесовой всё, что можно, и чего нельзя. Эта Лепко около года назад развелась с мужем, Владимиром Всеволодовичем Дубовым, который, как это ни странно, продолжает частенько заходить в это кабаре после развода с женой. А ещё я узнала, что за Черкесовой ухаживал один офицер, – я показала его вашему агенту, Вере Леонтьевне. Дело в том,

что Кристина Лепко живёт в доме – прямо напротив окон покойной Алисы Черкесовой, она переехала туда после своего развода. У Черкесовой и Колосок тоже были между собой весьма близкие отношения, – ну в том смысле, что они, так сказать, совершенно спокойно делили между собой многочисленных поклонников. Многие девушки из труппы говорят, что за Колосок открыто и настойчиво ухаживал молодой миллионщик, некто Прохоров. Но предполагают, что она время от времени изменяла их отношениям, так как за ней, тоже не скрывая своих чувств и так же открыто, волочился некий Зуев, заваливая её цветами, и она к нему благоволила. Очень возможно, что они тайно встречались. Зуев и сейчас регулярно посещает кабаре, он заядлый картёжник. А Прохоров после смерти Колосок просто исчез из виду, успев, правда, перед этим отеснить своего конкурента-неудачника Ефремова, – я поняла так, что это какой-то бедный мелкий чиновник, и конечно, такая возлюбленная, как Колосок, ему совершенно не по зубам. Про Ефремова Колосок сама рассказывала подругам, что он вполне серьёзно сделал ей предложение, но она, конечно же, ему отказала. В общем, какие-то весьма запутанные отношения.

– А что ещё удалось выяснить про Горец? – уточнил Кошко.

– Насчёт Горец у всех мнение примерно одинаковое, – Аннет немного помолчала, собираясь с мыслями. – С одной стороны – она почти всегда находилась среди людей, но с другой стороны – при этом она оставалась весьма скрытной особой и не очень-то делилась с другими девушками секретами своей жизни. Жила в основном на свой заработок и деньги своего покровителя. Может, и ещё что-то было, но толком сказать никто не может, даже Лепко. А возможно, что Лепко что-то знает, но скрывает, ведь всё-таки только с Лепко Горец общалась ближе, чем с другими танцовщицами. С остальными девушками у неё были просто ровные приятельские отношения.

На начальном этапе Кошко был удовлетворён полученными сведениями. Исходя из показаний Аннет, он немедленно организовал наблюдение за Зуевым и одновременно приказал доставить в участок другого бывшего поклонника Зинаиды Колосок. Этим поклонником оказался молодой слабохарактерный сынок известного миллионщика Прохорова, владельца большого сахарного завода, – Прохоров Мирон Филатович. Разыскали Мирона в небольшом чистеньком трактире, где он не спеша потягивал кофе, просматривая газеты. Чувствовалось, что сидит он здесь уже давно, так как на столике перед ним находилась опустевшая уже наполовину бутылка вина, небольшой бокал и три тарелки с какими-то початыми закусками. Узнав, что его временно везут в участок, Мирон ничуть не удивился и даже не спросил – зачем? Просто ни слова не говоря собрался и пошёл вслед за полицейским. Когда полицейский сообщил об этом начальству, Кошко с Филипповым молча переглянулись, и Кошко приступил к допросу:

– Извините нас, Мирон Филатович за то, что в такой спешке привезли Вас сюда, но, к сожалению, дело не терпит отлагательства. Я прошу Вас рассказать нам подробно, не утаивая абсолютно ничего, о Ваших отношениях с Зинаидой Родионовной Колосок, убитой двадцатого октября прошлого года.

– Что ж, спрашивайте, – при имени Колосок, бывший «подшофе» Прохоров мгновенно протрезвел, из него мигом улетучился весь хмель – как и не бывало! – Только прошу Вас об одном, не говорите ничего моему отцу! Он ничего не знает и посещение этого кабаре мне никогда не простит!

– Это я могу обещать. Ваше имя нигде не будет указано, – успокоил его Кошко.

– Уж, пожалуйста, не забудьте, – обречённо вздохнул молодой человек.

– Когда в последний раз Вы видели Колосок?

– В день её смерти.

– Как это было?

– Вы лучше спросите – как это началось?

– Хорошо. Ну и что же началось и как это началось? – терпеливо переспросил Кошко.

– Началось всё с того, что я влюбился в Колосок как последний дурак, хотя всегда чувствовал, что всё это добром не кончится! Но ведь она такая необыкновенная, а я был ослеплён этой любовью и не хотел ничего замечать. Буквально за несколько дней до своей гибели она попросила у меня значительную сумму денег на покупку каких-то антикварных бриллиантов. У меня таких больших денег не было, и я, естественно, не мог дать их просто так, но и отказать ей прямо я тоже не мог. Сами поймите, – ну что бы она тогда обо мне подумала?

И действительно, на следующий день она встретила со мной после работы и показала мне брошь, серьги и перстень какого-то старинного французского мастера, ещё времён французской революции. Ну-у-у... этот, как его..., – от досады, что не может вспомнить фамилию ювелира, Прохоров даже прищёлкнул пальцами, – да у него ещё весь двор Марии Антуанетты ювелирные изделия для себя заказывал! Короче говоря, я поразился тому, что увидел! А уж, поверьте, меня трудно удивить какими-то побрякушками! Это были изумительные по чистоте и красоте бриллианты баснословной цены, – *таких* денег я ей дать не мог! У меня их просто не было, но ведь не мог же я признаться в этом! В общем, – я ей отказал! Потом я попросил отсрочку, советуя ей платить по частям. Зинаида, конечно, всё правильно поняла, поскольку она была далеко не глупа. Видимо, ей очень хотелось заполучить эти украшения, а обращаться за помощью больше было не к кому, и она не порвала со мной сразу же, хотя было заметно, что в тот момент ей очень этого хотелось. Она только усмехнулась и спросила меня, – как скоро я смогу достать деньги? Потому что через два дня, вечером, она должна была встретиться с продавцом в парке около своего дома, – чтобы либо рассчитаться с ним, либо вернуть украшения, – и мне просто было необходимо раздобыть деньги к этому времени. Я пообещал, а теперь виню себя за это. А дальше было так. В назначенный день, собрав кое-какую незначительную сумму, – деньги, кстати, тоже не малые, но всё-равно недостаточные, – я поехал к Зинаиде, к Зиночке... Но получалось так, что я значительно опаздывал к назначенному времени и смог поехать к ней только тогда, когда уже начало смеркаться. Дома её не оказалось, и я немного подождал возле дома в надежде, что с минуты на минуту она может подойти. Но её всё не было. Потом я совсем озяб и решил не болтаться больше около дома, а пойти в парк, надеясь там встретить её. И пока я добрался до парка, да побродил по аллеям, стало уже совсем темно, – октябрь, знаете ли, это не июнь! В поисках Зинаиды проблуждал я по парку довольно долго, потому что мне было неизвестно, где именно была назначена у неё встреча, и я всё ходил и ходил по дорожкам. Но её нигде не было, и я уже начал волноваться. Я спешил, потому что она уже могла уйти! И вот когда я, торопясь изо всех сил, свернул в очередную аллею, то издали увидел, как Зина вошла на эту же аллею с противоположной стороны и села на лавочку под деревьями, видимо, в ожидании продавца. Неподдалёку от лавочки горел фонарь, и поэтому мне было её хорошо видно. Меня она не заметила. Я уже приближался к ней, когда со стороны скамейки, где сидела Зинаида, раздался глухой выстрел. Я сразу же побежал к ней, но когда добежал, она была уже мертва. В руках у неё ничего не было. Я не знал, что делать, и поэтому оглянулся по сторонам, чтобы хоть кого-нибудь позвать на помощь! Аллея была пуста, но среди деревьев я заметил мелькнувший на мгновение силуэт человека в чём-то чёрном. Он поспешно удалялся, и я понял, что это он убил Зину. Ей было уже ничем не помочь, и я решил догнать его. Мне это почти удалось, потому что я бежал быстрее. Но когда я стал его нагонять, он вдруг резко остановился, повернулся ко мне и направил на меня свой пистолет, по-прежнему не открывая своего лица. Мне, конечно же, пришлось остановиться. Да и что мне оставалось делать, – с пустыми руками против оружия? Так вот, мне пришлось остановиться, а неизвестный, воспользовавшись этой заминкой, быстро исчез в кустах, и больше я его не видел. Тогда я повернул назад и заспешил к Зиночке. Но едва она попала в поле моего зрения, я увидел, как к ней приближается уверенной походкой некий господин. Это было достаточно далеко, и лица его я разглядеть не мог. Я не стал подходить, а притаился за ближайшим деревом и стал

ждать, что же будет дальше. Он подошёл и, видимо, сразу понял, что она мертва. Затем он немного потоптался на месте, озираясь по сторонам, а потом быстро ушёл, чуть ли не бегом. А после него ушёл и я. Каюсь, виноват, побоялся в полицию сообщить. Испугался, что потом с отцом объясняться придётся. Вот такие дела, господа, больше мне добавить нечего, – наконец-то выговорившись, Прохоров понуро опустил голову.

На несколько мгновений в кабинете повисло молчание. Каждый из присутствующих по-своему переваривал эту информацию. Кошко с Филипповым опять молча и понимающе переглянулись, и Кошко задал следующий вопрос:

– Скажите, Мирон Филатович, Вы смогли определить в наступающей темноте, – силуэт убегającego убийцы был мужской или женский?

– Пожалуй, нет. Не знаю. Не разобрал.

– А имя продавца украшений Зинаида Родионовна Вам не называла?

– Я спрашивал, но она ответила, что продавец просил сохранить его имя в тайне. Поэтому и тут я не знаю, ничего не могу сказать.

– Ну что же, Мирон Филатович, благодарю Вас за содержательный рассказ. Но попрошу Вас ещё об одной услуге!

Прохоров удивлённо поднял глаза, переводя взгляд то на Кошко, то на Филиппова, – что им ещё от него понадобилось?

– Вы сможете по памяти нарисовать, как выглядели эти украшения? Может быть, Вы запомнили в них нечто особенное?

– А, ну это я могу, – с облегчением заулыбался Прохоров.

И тут же уверенными штрихами набросал внешний вид и брошки, и серёжек, и кольца. А Кошко, с восхищением глядя как под его рукой с фотографической точностью воспроизводятся роскошные ювелирные изделия, только с сожалением подумал, – такой талант, и пропадает понапрасну!

Кошко был доволен результатом. Теперь хотя бы начинали прорисовываться хоть какие-то намётки, хоть какие-то зацепки в этом запутанном деле. Во всяком случае, теперь у следствия был на руках чёткий рисунок украшений, и по этим рисункам был немедленно сделан запрос во Францию. Вскоре пришёл исчерпывающий ответ, в котором говорилось, что данные украшения были изготовлены придворным королевским ювелиром Карлом Бомером и его помощником Полем Бассанжем и принадлежали давно угасшему дворянскому роду, последний потомок которого был казнён во время революции. С тех пор судьба украшений неизвестна. В розыске они не значились, но было указано, что кроме броши, кольца и серег, в полный комплект входили ещё колъе, тиара и браслет. На всех изделиях стоит печать мастера.

Прочитав это послание, Кошко задумался. Ему было хорошо известно, что восемнадцатый век – это расцвет ювелирного искусства во Франции в эпоху рококо. А во времена французской революции сгинуло бесследно не только множество людских голов, но исчезло неизвестно куда значительное количество старинных ювелирных изделий. Огромное количество драгоценных произведений мастеров-ювелиров было вывезено из страны за её пределы, а затем – они были либо переделаны, либо проданы, причём, нередко – по частям. И вот теперь кое-что из тех пропавших изделий всплыло здесь, через столько времени и совсем в другой стране, да ещё и при столь трагических обстоятельствах! Да-а-а, жизнь – непредсказуемая штука...

– Вот и причина, по которой убили эту Колосок, – чётко констатировал Кошко.

– Не исключаю, что и двух других убили по этой же причине, – в свою очередь прокомментировал Филиппов.

– Думаю, что Вы правы, Владимир Гаврилович, – согласился Кошко, – а теперь выслушаем, что нам скажет этот офицер, ухажёр Черкесовой, которого уже вызвали для дачи показаний.

Именно его видела в окно Кристина Лепко в последний день жизни Алисы Черкесовой, о чем она и сообщила полиции на допросе.

Пехотный капитан Карсавин Эдуард Артамонович появился на пороге кабинета и по-военному отрапортовал о своём прибытии. Выглядел он несколько заносчиво и фамильярно, – обычно с таким видом недалёкие высшие чины общаются с низшими чинами. Он словно не понимал, что находится в серьёзном учреждении, и сюда не вызывают по пустякам. Его манеры не понравились Кошко, но он не подал вида:

– Садитесь, прошу Вас, – Кошко показал ему на стул и Карсавин сел, демонстративно закинув ногу на ногу. Он был хорош собой, и Филиппов подумал о том, что, видимо, именно эта внешняя красота и привлекла в нём внимание Черкесовой.

Ни Кошко, ни Филиппов не успели задать ещё ни одного вопроса, как Карсавин опередил их:

– Если вы хотите спросить меня по поводу смерти Алисы Кондратьевны Черкесовой, то сразу могу вам сказать, что я её не убивал. К тому же я уже давал свои показания полицейскому на следующий день после её смерти, – надменно заявил он, даже не дрогнув ни единым мускулом, словно и не шла речь о его любимой женщине, внезапно и загадочно погибшей.

– Нам это известно, – сдержанно ответил Кошко, – никто Вас в этом и не обвиняет, просто следствию необходимо уточнить несколько моментов. Поэтому прошу Вас наиболее полно ответить на наши вопросы.

Карсавин с царственным видом кивнул так, словно оказал Кошко и Филиппову великое одолжение.

– Расскажите, когда в последний раз Вы видели Алису Кондратьевну Черкесову?

– В последний раз я видел её второго сентября прошлого года. Я в тот день был у Черкесовой и ушёл от неё поздно вечером. А на следующий день узнал из газет, что она умерла от передозировки морфина в ночь на третье сентября, то есть – уже после моего ухода, – отчеканивая каждое слово, высокомерно ответил Карсавин, словно перед солдатами приказ по бумажке зачитал.

– Она не говорила, что после Вашего ухода ещё ожидает кого-то посетителя?

– Нет, не говорила. Во всяком, случае, мне ничего об этом неизвестно. В тот вечер мы прекрасно провели время, и для меня было большим ударом – узнать о её неожиданной кончине, – вроде бы это были слова сожаления, но уж слишком равнодушным тоном были они произнесены.

– Она не говорила Вам, что хочет купить или, может быть, продать какие-нибудь украшения?

От усиленного умственного напряжения лоб Карсавина сразу прорезали глубокие морщины, и он невидящим взглядом уставился в пол. Бравый офицер напрягся и, как бы спотыкаясь, произнёс:

– Украшения, говорите... Да, помнится, что-то такое было...

– Не спешите, вспомните точнее, – подбодрил его Кошко.

– Она сказала мне, что собирается приобрести вроде бы какое-то антикварное то ли кольцо, то ли ожерелье, – я, знаете ли, в этом не разбираюсь, никогда ни с чем подобным дел не имел. Она достала футляр и показала мне мельком эту штуку, потом опять быстро спрятала.

– Она просила у Вас деньги?

– На что?

– На покупку этого кольца.

– Нет, не просила. Она вообще больше ни словом не обмолвилась об этом.

– Вы не могли бы по памяти нарисовать это кольцо? Если вспомните, конечно!

Карсавин даже прищурился, напрягая память. Немного помолчав, он взялся за карандаш:

– К сожалению, я не разбираюсь в этих ювелирных штучках, но всё-таки попробую что-нибудь изобразить.

И он начал старательно воспроизводить по памяти виденную мельком «ювелирную штучку».

– Вот, знаете ли, как-то примерно так... Вспоминаю, что это кольцо было в три нити, небольшие бриллианты чередовались с достаточно крупными... Посредине было что-то вроде медальона, по-моему, он был из золота... и, кажется, с гербом Франции, хотя не уверен... и вроде бы по краям немного мелкого жемчуга... да, совсем немного... Всё, больше ничего не помню, – и он протянул Кошко свой «шедевр», вытирая платком лоб, который даже взмок от таких невероятных усилий.

– А Вы не поинтересовались, – какую сумму Алиса Кондратьевна собиралась потратить на покупку такого недешёвого украшения?

– Поинтересовался, конечно! Из чистого, поверьте, любопытства! Но она ответила, что это секрет, – тайна, понимаете ли! – изрёк Карсавин, всем своим видом выражая очень «глубокую» мысль: ну что взять с глупой женщины, одни побрякушки на уме!

– А не называла ли она как-нибудь невзначай имени продавца или ещё кого-либо?

– Нет, ничего подобного она при мне не говорила. Да я, признаться, и не любопытствовал особо: раз тайна, значит тайна, мне-то что?

– Хочу задать Вам не совсем корректный вопрос, Эдуард Артамонович, – вопрошающе посмотрел Кошко на Карсавина.

– Да чего уж там, спрашивайте! – великодушно махнул рукой бравый офицер.

– Скажите, Вам что-нибудь известно о каких-либо других поклонниках или покровителях Алисы Кондратьевны Черкесовой?

Карсавин нахмурился, старательно изображая равнодушие, хотя было очень заметно, что этот вопрос ему неприятен.

– Об этом мне ничего не известно! Да, ведь если бы даже и был кто-то, – сами понимаете, что мне об этом никто не доложил бы! Правда, один раз я сам был свидетелем несколько неприятного инцидента, когда шёл к Алисе домой. Это случилось за две недели до её смерти. Она стояла у двери дома, а перед ней с цветами и со слезами на глазах просил прощения какой-то крепкий мужик. Не знаю уж, чем он провинился, но она была очень недовольна! Она даже не дала ему договорить и в довольно резких выражениях выставила его вместе с букетом. Потом я этого типа встречал много раз, он часто приходит в «Медузу».

– И кто же был этот «крепкий мужик»?

– Владимир Всеволодович Дубов, бывший муж танцовщицы Кристины Казатуловны Лепко, – как мне потом сама Алиса рассказала.

Уж на что Кошко всякого насмотрелся за свою долгую практику, но от такого циничного признания его просто передёрнуло. Похоже, что этот Дубов очень уж шустрый мужичок, – как говорится, наш пострел везде поспел! В одном месте получает от ворот поворот, – тут же, нисколько не огорчаясь, пытается слепить любовь в другом месте. В общем, незадачливый кавалер сам не теряет и надежду не теряет...

– А Вы не поинтересовались целью его визита?

– А чего там интересоваться! И так всё ясно!

– А Вам известно, – где проживает эта Лепко после развода?

– Понятия не имею, и никогда не интересовался, – развязно ответил Карсавин, – такие женщины, как она, мне никогда не нравились, и я абсолютно безразличен к их бракам, разводам и месту жительства!

– Но ведь Кристина Лепко была близкой подругой Алисы Черкесовой. Неужели Вы об этом не знали?

– Впервые слышу об этом! А от Алисы Кондратьевны я слышал неоднократно о другой подруге из того же кабаре. Это Стелла Руслановна Лабор. Все зовут её, кажется, Сапфо. Особа весьма оригинальная, но тоже, знаете ли, не в моём вкусе. Алиса именно с ней собиралась встретиться после работы на следующий день, так как они возвращались домой в разное время.

– А Вам неизвестно, – с какой целью, или по какой причине они собирались встретиться?

– Известно. Ну да там ничего особенного. В прошлый свой визит Лабор забыла у Алисы свои духи, какие-то страшно дорогие, и в тот вечер Алиса Кондратьевна собиралась их вернуть. Именно за ними Лабор и хотела зайти.

– А Вы сами эти духи видели?

– Видел. Такой круглый флакончик, знаете ли... – и Карсавин старательно изобразил пальцами в воздухе нечто, обозначавшее, надо полагать, круглый флакон дорогих духов.

– Скажите, Эдуард Артамонович, – а почему Вам так не симпатична Кристина Лепко? Ведь она очень красивая женщина! Вон как рыжие волосы полыхают, – огонь, а не девушка!

На самодовольной физиономии Карсавина отразилось огромное удивление. Он с недоумением уставился на Кошко и, секунду помолчав, серьёзно изрёк:

– Вы правы. Она как огонь. А точнее – она полыхает огнём хищной львицы, ждущей богатого покровителя, но ей было очень далеко до Черкесовой. У Черкесовой хоть душа была нежная, с ней можно было поговорить о чём угодно, а Кристина – нет, Кристина сразу измеряла Вас на толщину кошелька!

Больше никаких причин для дальнейшей задержки Карсавина Кошко не видел, и бравый офицер был отпущен.

– Что Вы об этом думаете, Владимир Гаврилович?

– А тут и думать нечего. Деньги она у него не просила, – так как с него, кроме любви, взять абсолютно нечего. Гол как сокол! А вот при обыске квартиры футляр с колье мы не нашли. Надо полагать, он был украден тем же, кто и убил её смертельной дозой морфина. Кстати сказать, в списке вещей Алисы Черкесовой подобный флакон, – как нам описал Карсавин, – не значится. Следовательно, они всё-таки встретились, или она как-то иначе передала этот флакон Стелле Лабор. А может быть, его прихватил какой-то более поздний гость...

– Я думаю, пришла пора допросить Кристину Лепко, – решил Кошко, с чем Филиппов был полностью согласен.

– Бесспорно, Аркадий Францевич, что кто-то пришёл к Черкесовой после ухода Карсавина, и этого кого-то Кристина Лепко в своё окно не увидела, а может и увидела, но по какой-то причине этот факт упорно скрывает, что вернее всего.

– Почему Вы так решили, Владимир Гаврилович?

– Потому что она всё время спокойно наблюдала, как её бывший муженёк напропалую волочит за красоткой Черкесовой, и ни словом не обмолвилась при опросе об этой щекотливой ситуации. Так навряд ли она скажет нам что-нибудь новое про Стеллу Руслановну Лабор.

– Может, стоит проверить её получше?

– Проверяли всех. Но никто из кабаре ни разу не привлекался. Никогда.

– Тогда будем ждать новостей от Аннет и агентов, – подвёл черту Кошко, – но что всё-таки связывало между собой таких разных женщин? Вам это не кажется странным?

– Эх, Аркадий Францевич! Что касается женщин, – мне уже ничего не кажется странным! – тяжело выдохнул Филиппов, безнадёжно взмахнув рукой, и даже отвернулся к окну.

– Даже так? – с мальчишеским озорством в глазах Кошко глянул на Филиппова, который с нарочитым равнодушием в лице деловито перелистывал дело. – Да не будьте таким мрачным, Владимир Гаврилович, посмотрите только, какие красавицы, – даже во Франции так много красоты в одном месте Вы не увидите!

С напускным безразличием Филиппов захлопнул дело.

– Из-за этих красавиц одни только неприятности у полицейского управления, – недовольно проворчал он. – Развелись тут, понимаешь ли, любительницы антикварных бриллиантов и красавцев-мужчин!

– Не судите их строго, Владимир Гаврилович, – Кошко лучезарно улыбнулся раздосадованному начальнику петербургской полиции, – ведь это жизнь! А она тем и интересна, что в ней живут красавцы офицеры и красотки кабаре, так что народу нашему – не скучно!

– Ну да. И полицейскому управлению тоже, – мрачно закончил Филиппов высказывание Аркадия Францевича.

– Да полноте, Владимир Гаврилович, – смотрите на все обстоятельства оптимистичнее!

– Хорошо Вы рассуждаете, Аркадий Францевич, – Филиппов в сердцах расстегнул тугой воротничок. – Ещё бы убийцу найти, тогда бы и совсем радоваться можно...

– Будем искать. И даже не сомневайтесь, Владимир Гаврилович, – найдём! – решительно заверил Кошко.

Но выводы и умозаключения Кошко основывались не только на показаниях Аннет и донесениях агентов. Для получения информации он использовал все доступные и недоступные источники и задействовал все свои связи и знакомства. Результат, конечно, стоил потраченных усилий, но что было интересно – эта кропотливая работа приносила порой очень неожиданные плоды!

Собирая всевозможные сведения обо всех танцовщицах, чтобы составить полную картину об этом женском коллективе, Кошко наткнулся на интересный факт и поспешил поделиться с Филипповым «нарытой» информацией:

– Владимир Гаврилович! Отвлекитесь на несколько минут от своих дел! Я хочу рассказать Вам нечто занимательное. Как Вам известно, последние несколько дней мы вплотную занимались сбором информации о каждой танцовщице кабаре. Кто они, откуда, какой образ жизни ведут вне стен кабаре, какие у них между собой взаимоотношения и так далее. Девушки они, я бы сказал, все непростые. Но всё-таки из всех я бы особо выделил двоих. И не по криминальным наклонностям, нет! В данном случае – просто как интересные личности. Вот посмотрите на эту красавицу, – Кошко протянул Филиппову фотографию, на которой была изображена Венера Чавчавадзе.

Филиппов уже наизусть знал все эти фотографии и потому, едва глянув на снимок, опять поднял глаза на Кошко, с интересом ожидая дальнейших пояснений.

– Эта девочка своего высокого происхождения не афиширует. Я думаю, что и среди близкого окружения не многие об этом знают, а ведь эта Венера – самая настоящая княжна! Её двоюродный дед по отцовской линии есть ни кто иной, как *сам Илья Чавчавадзе*, выходец из кварельской ветви достойного княжеского рода Чавчавадзе! Вся Грузия его боготворит! Весьма и весьма интересный человек, – прогрессивный общественный деятель современности, мыслитель, публицист, борец за национальную независимость Грузии и, естественно, очень талантливый поэт! Разностороннейшая личность! Что и неудивительно, поскольку у них в роду все были – личности не ординарные! Во главе этой выдающейся династии стоит ярчайший человек своего времени Александр Чавчавадзе, тесть нашего писателя Грибоедова.

И у самого Ильи мать была женщина образованная, она прекрасно знала грузинскую литературу, особенно поэзию. Вот она-то и привила сыну любовь к прекрасному и чувство национальной гордости! Он и сам много писал, и переводов много делал... многогранный человек... был. Потому что, несмотря на всенародную любовь, нашлось в Грузии чёрное сердце, и три года назад Илью Чавчавадзе убили. Его убийство, к сожалению, так и не было раскрыто... м-да-а... Но что интересно, – во времена молодости Чавчавадзе провёл четыре года в Санкт-Петербурге, обучался здесь на юридическом факультете. Правда, не доучился, был исключён

из университета за участие в студенческих забастовках. Однако всегда называл это незабываемое время «золотыми годами».

Но и это ещё не всё. Интересное событие приключилась с Чавчавадзе в бытность его в Петербурге! В студенческие годы он был страстно влюблён в Софью Ильиничну Чайковскую, родную сестру нашего гениального композитора. Весь Петербург тогда говорил о них, – такая была романтическая история! Эх, Владимир Гаврилович! Как порой причудливо переплетаются судьбы людские... Ни в одной сказке такого не придумаешь!

– Так что я полагаю, – наша юная красавица с самого детства была наслышана о своём легендарном родственнике, вот и приехала тоже в Петербург за своим счастьем! Ну а уж тут её жизнь сложилась, как сложилась...

– А стихи у него и в самом деле замечательные, самобытные! Вот, почитайте на досуге! – и Кошко положил перед Филипповым тоненькую книжицу, – тут из всего им написанного немного переведено, но и этого достаточно, чтобы понять человека.

– А Венера ведёт себя очень осторожно, даже с товарками близко не сходитя, видимо, всегда помнит про «политические» моменты из биографии деда! – усмехнулся Филиппов.

А ещё Аркадия Францевича чрезвычайно заинтересовала Стелла Руслановна Лабор по прозвищу «Сапфо». Он прекрасно знал, что все клички и прозвища даются людям не просто так, а весьма метко схватывая и отражая какую-либо черту внешности или характера человека. И это прозвище прилипает к человеку навеки! Так что прозвище «Сапфо» было очень необычным, символичным и наводило на определённые мысли. Из греческой истории Кошко помнил, что настоящая Сапфо была древнегреческой лирической поэтессой, причём современники называли её «страстной». Девочка родилась в богатом аристократическом семействе на острове Лесбос. Талант её пробудился в раннем детстве, когда шестилетняя Сапфо осталась без матери и была отдана на обучение в школу гетер, что было в те времена очень престижно. Уже тогда у неё было ярко выражено чувство ритма и слова, и ещё будучи в школе, она свободно слагала песни, оды и гимны. Став взрослой, Сапфо принимала активное участие в общественной жизни города, поскольку обладала очень деятельной натурой. А надо сказать, что в ту пору женщины древней Греции в плане социальной активности не имели практически никаких ограничений. Поэтому совсем неудивительно, что Сапфо возглавляла довольно крупное культовое объединение, посвящённое Афродите. Одним из направлений деятельности этого объединения было общее развитие молодых девушек. Сапфо обучала их музыке, танцам и стихосложению, – всему тому, в чём преуспела сама. Поэтому, если провести параллель между той Сапфо и этой, вывод напрашивался однозначный, – Стелла Лабор обладает подобной натурой, талантами и характером. Ну что же, совсем скоро выяснится, так ли это.

А вот у Лепко в её короткой биографии присутствуют, однако, некоторые смутные фактики!

Кошко кратенько рассказал коллеге ещё несколько заинтересовавших его моментов про других девушек, и оба взяли это на заметку, – пока пусть всё лежит в папочках до поры до времени. Неизвестно, что и про кого может понадобиться в любую минуту! Таким образом, поделившись с Филипповым своими наблюдениями, Кошко перешёл к практическим делам:

– Думаю, что теперь, пожалуй, нам следует побеседовать с мадемуазель Лабор!

В тот же день была привезена в полицейское управление Стелла Руслановна Лабор, очередная красавица, носившая в своей среде уважительное имя с оттенком восхищения – Сапфо. Её классическая греческая внешность, гордая посадка головы на высокой безупречной шее и весь волнующий облик сразу бросались в глаза даже тем людям, которые давно уже были пресыщены зрелищем всевозможных типов женской красоты. Белоснежная фарфоровая кожа с лёгким матовым свечением, нежный румянец, – то ли естественный, то ли от небольшого

морозца на улице, – замысловатая причёска в греческом стиле и изумительные синие глаза, богато опушённые густыми чёрными загнутыми ресницами, – вот такая чарующая прелестница предстала взорам Филиппова и Кошко.

Аркадий Францевич мельком бросил на Филиппова мимолётный взгляд и лукаво усмехнулся в усы, – Владимир Гаврилович мгновенно преобразился, как по мановению волшебной палочки! Он вежливо встал навстречу вошедшей Лабор и предусмотрительно подвинул ей стул. С приходом Стеллы Руслановны по кабинету заструился волнующий аромат каких-то сладких духов, и Филиппов вдохнул его полной грудью, прикрыв глаза, и на секунду словно оказался в томной восточной сказке! Однако Кошко быстро разрушил его грёзы и очарование, вернув Владимира Гавриловича к суровой действительности.

– Присаживайтесь, пожалуйста, Стелла Руслановна, у меня к Вам есть несколько вопросов.

Стелла Лабор держалась спокойно: без напряжённости, испуга и подобострастия. Она с достоинством лишь слегка кивнула головой, выражая свою готовность дать ответы на все вопросы:

- Я Вас внимательно слушаю, господин полицейский, – сдержанно отозвалась девушка.
- В каких отношениях Вы состояли с Алисой Кондратьевной Черкесовой?
- Мы были близкими подругами.
- Вам известно, как она умерла?
- Да, конечно. Это уже все знают. Она скончалась от большой дозы морфина.
- Вы собирались зайти к ней в тот день, когда она умерла?
- Собиралась. Не только собиралась, но и собралась. Мне надо было забрать свои духи,

так как я случайно забыла их у Алисы и уже неделю как порывалась зайти за ними, да только всё никак не получалось. А с самой Алисой мы в те дни на работе не пересекались. Я ещё попросила нашу Гаянэ Воскерчан забрать их, так как она живёт недалеко от дома Алисы, но Гаянэ тоже не смогла. Вот я и пришла к Алисе утром, *в тот день*, перед работой, постучала в дверь, но мне никто не открыл, как Вы понимаете. Потом я не увидела её на работе в кабаре, а она должна была быть на работе во второй половине дня. Потом мы с девочками звонили ей домой, но – само собой разумеется, нам тоже никто не ответил. Мы почувствовали, что случилось нечто, из ряда вон выходящее, так как Алиса была очень пунктуальна и никогда не позволяла себе ни опозданий на работу, ни тем более – прогулов! После работы я снова поехала к ней, это было примерно в три часа дня, но дверь квартиры уже была опечатана. Вот тут-то я и узнала от соседей, что Алисы больше нет. Её обнаружила соседка, потом в квартире был обыск. Вот и всё.

– Стелла Руслановна, ознакомьтесь, пожалуйста, – Кошко подал девушке несколько мелко исписанных листов, – это список вещей, обнаруженных полицией во время обыска. Посмотрите, – имеются здесь Ваши духи?

Стелла внимательно просмотрела списки и немногочисленные прилагаемые фотографии.

- Нет, их здесь нет, – уверенно произнесла она через некоторое время.
- Вам это не кажется странным?

– Честно говоря, – не знаю! – с некоторой растерянностью отозвалась девушка. – Духи – это такая вещь, что их могла взять и соседка, и кто угодно, так что ничего не могу сказать по этому поводу. Никого не хочу обвинять, так как просто мне ничего об этом неизвестно. Знаю только, что я их не брала.

– А Вы знали, что за Вашей подругой ухаживал Всеволод Дубов, бывший муж Кристины Лепко?

Стелла изящно изогнула бровь в немом вопросе:

- Нет. Этого я не знала. Алиса никогда не говорила со мной о Дубове.
- А как Вы полагаете, – кто мог убить Алису Черкесову?

От такого вопроса у девушки на этот раз даже глаза округлились от удивления:

– Убить? – переспросила она. – А разве это не случайная передозировка? Ведь она ни от кого не скрывала, что её стали беспокоить суставы, и она сама себе делала обезболивающие уколы!

– Если бы это была просто досадная случайность, Стелла Руслановна, то шприц был бы там же, рядом с ней, но его в квартире вообще не нашли!

Лабор изменилась в лице:

– Так вот оно что... Оказывается, вы меня подозреваете..., – она внезапно побледнела и стала близка к обмороку от сильного волнения, но быстро смогла взять себя в руки. – Я сказала вам чистую правду, и в смерти моей подруги я не виновна, хотя мне это очень трудно будет доказать. Да у меня просто не было никаких причин убивать Алису!

– Тем не менее, мы должны произвести в Вашем доме тщательный обыск, – сочувственно, но достаточно твёрдо произнёс Кошко.

– Как Вам будет угодно, – холодно отозвалась Лабор.

На этом допрос Стеллы Руслановны Лабор был закончен.

Взяв с собой ещё двух жандармов, Севастьянов вместе с Лабор отправились к ней домой для проведения обыска. Они вернулись часов через шесть, и Пётр Феофанович доложил, что в доме Лабор не было обнаружено ничего подозрительного, что могло бы иметь отношение к трём загадочным смертям, – ни морфина, ни шприца, ни огнестрельного оружия, ни злополучного клинка. Дальнейшее задержание Стеллы Лабор не имело смысла, и Кошко распорядился отпустить девушку.

Вскоре доложили о приходе Аннет Булон. Молодая француженка вошла и, поздоровавшись, села. Она изо всех сил старалась выглядеть беспечно и непринуждённо, однако Кошко сразу увидел, что Аннет напряжена и очень устала. Старую ищeyку не проведёшь! От его намётанного взгляда не укрылась тревога, мучавшая девушку всё последнее время.

– Располагайтесь поудобнее, дорогая Аннет, и рассказывайте по порядку, – приободрил он её, – давайте разберём всё, что Вам стало известно.

– Ах, Аркадий Францевич! – воскликнула Аннет. – До чего же утомляет бесконечный шум и суета кабаре! Но я не жалуюсь, нет, – тут же спохватилась она, – не обращайтесь внимания, это к делу не относится! Давайте лучше расскажу всё с самого начала! Хотя, знаете, как только я начала выступать вместе со всеми, так сразу и начались всякие назойливые ухаживания и оказание различных знаков внимания со стороны мужчин. Я, конечно, ни малейшего повода для этого не даю, мне эти отношения совершенно ни к чему, но и прекратить это я не силах, и что с этим делать – ума не приложу! А больше всех раздражает один, особо настырный. Прямо прохода мне не даёт! И как только от него избавиться?!

– Кто такой?

– Вы не поверите, но это оказался Дубов Владимир Всеволодович, бывший муж Кристины Лепко. Она в кабаре тоже работает танцовщицей, как и я.

Уже не первый раз за день прозвучала в стенах этого кабинета фамилия Дубова. И от очередного упоминания этого имени снова – Кошко буквально передёрнуло.

– И как сильно он Вас донимает?

– Да уж донимает... но я не об этом хочу сказать. В конце концов, нечто подобное можно было предвидеть, так что – речь не о нём. От Нинель Эмилиановны Аглинцевой я узнала, что Горец более других была близка с одной из танцовщиц, разведённой Аделиной Терентьевной Седых. Её гримёрка находится сразу за гримёркой Эсмеральды, и Нинель иногда перед выступлением или после него заходит к Эсмеральде перекинуться парой слов, они в одну смену работают. Я постаралась сблизиться с этой самой Аделиной, и она мне сказала, по секрету, конечно, – что у Горец был весьма денежный покровитель, некто Абаянцев Филипп Андре-

евич. Кажется, он заводчик, купец и у него есть свои магазины. Но она тайно от Абаянцев встречалась с другим своим воздыхателем, поручиком Георгием Герасимовичем Ланцовым. После смерти Александры Горец Абаянцев появляется в кабаре не очень часто, один-два раза в месяц. Да это и понятно, он всё-таки очень занятой человек. А вот поручик быстро утешился, он приходит в кабаре каждую неделю, да ещё и за Эсмеральдой приударил, но она с бедными не водится, так что сразу отшила его. Подсобный рабочий, Ждан Зосимович Абросимов, слышал случайно за неплотно прикрытой дверью, как она этого ловеласа Ланцова отчитывала. Там ведь, где гримёрки танцовщиц, посторонним находиться запрещено, а тут – на тебе! – поручик в гримёрке Эсмеральды! Сидит себе тихонько, никем не замеченный! А как выставила она этого нищего поручика, и он, уходя, в сердцах рывком распахнул дверь, так Ждану и досталось по лбу как следует этой самой дверью! Ходит теперь с шишкой на лбу. Хотя я так и не поняла окончательно, – кто покровитель самой Эсмеральды? Девушки считают, что в наше время девушкам-танцовщицам без этого как-то даже... неприлично. Так что постараюсь насчёт Эсмеральды ещё у кого-нибудь повыспросить. Вот, пожалуй, пока и всё. Ой, нет, не всё, – тут же спохватилась Аннет, – чуть не забыла: говорят ещё, что Александра Марковна Горец дружила с Алисой Кондратьевной Черкесовой. Да, вот теперь уж точно – всё!

– А кто такая Эсмеральда? – уточнил Кошко, внимательно выслушав весь рассказ Аннет.

– Это танцовщица Аза Ильинична Кирских. Сценический псевдоним – «Цыганка-графиня». А Эсмеральда – просто прозвище, которое, думаю, прилипло к ней до конца дней. Но она и в самом деле цыганка. И она действительно очень красивая, – охотно пояснила девушка.

Было видно, что после того, как она смогла, наконец, выговориться, ей стало значительно легче. Весь свой груз она сейчас переложила на Кошко. Пусть теперь уже он сам решает, что делать с этой информацией!

– Хорошо, постарайтесь, дорогая Аннет, узнать подробнее о покровителях Азы Кирских. Только, пожалуйста, будьте осторожны и благоразумны! – ещё раз предупредил её Кошко, всё-таки он очень переживал за эту девушку, которую вынужденно втянул в свои проблемы.

Аннет согласно закивала головой, – конечно, конечно! Они распрощались, и после её ухода Кошко стал быстро писать в своём блокноте, тихонько что-то приговаривая себе под нос. А Филиппов, за всё время визита Аннет не проронивший ни слова, выразительно указал глазами вслед француженке и убеждённо изрёк:

– Убедились, Аркадий Францевич? Сам чёрт ногу сломит с этими красавицами!

– М-м-да-а... – В глубоком раздумье Кошко потёр пальцем переносицу, – Аннет права! И поскольку все дамочки этого кабаре имеют солидных покровителей, нам теперь надо будет аккуратно прощупать каждого из них, а сделать это будет весьма непросто... Но ничего, справимся!

– Причём заметьте, – не просто имеют покровителей, но даже и не по одному! – едко заметил Филиппов.

– И значит – круг наших поисков значительно расширяется... – подытожил Кошко. – А сейчас давайте-ка посмотрим на эту Азу, – и он стал копаться в фотографиях. – Ага, а вот и она!

Он подал Филиппову фотографию цыганки, сделанную фотографом для рекламной афиши «Медузы» и успел заметить, *как*, принимая снимок, вздохнул Филиппов. С фотографии на него пронзительным взглядом смотрела молодая цыганка просто-таки божественной красоты с загадочной улыбкой Моны Лизы. Знаменитый романс «Очи чёрные» сам собою зазвучал в его голове, и что-то тревожное и давно забытое заняло в груди старого вояки. Но он и вида не подал, – мало ли с кем приходится пересекаться в их беспокойной профессии! Однако от внимания Кошко не укрылся этот легкий мимолётный вздох, и он позволил себе слегка подтрунить над солидным Владимиром Гавриловичем:

– Да я вижу – Вы к ней несколько равнодушны, – с доброй усмешкой «подколол» он начальника петербургского сыска, наблюдая за Филипповым.

– Да что Вы, совсем нет, – смутился тот. – Симпатичная, конечно, барышня, но ничего особенного, – с деланным безразличием поторопился ответить Владимир Гаврилович, возвращая фотографию.

– А всё-таки она Вам понравилась, – шутливо настаивал Кошко, видя смущение Филиппова. И тут же посерьёзnel, – надо сказать, я и сам опешил от первого взгляда на её фотографию. Однако, она девушка весьма приличная! Родом Аза из большой оседлой семьи зажиточных цыган. Родители её живут в своём доме в Санкт-Петербурге. Аза Кирских успешно окончила гимназию, преуспела в изучении французского языка, затем балетная школа, и вот она в кабаре. И ведь что интересно, – ещё в гимназии к ней накрепко пристало прозвище «Эсмеральда»!

– А что Вы скажете про этих? – Филиппов выбрал из документов рекламные фотографии Черкесовой и Горец и протянул их Аркадию Францевичу.

Кошко внимательно всмотрелся в них.

– Интересно бы спросить Славина, – начал рассуждать Кошко, – и где он только их находит? Про Горец можно безошибочно сказать, что это недюжинная драматическая актриса, ну а Черкесова... тут ясно чувствуется кавказская кровь, однако с изрядной примесью славянской... По натуре – прямо Анна Каренина...

– А теперь посмотрите на остальных, – и жестом фокусника Владимир Гаврилович веером рассыпал перед Кошко грудой фотографий. – Я дома своей супруге показал – ну так, ради интереса, – так у неё просто слов не было! И не подумаешь, что это кабаре какое-то!

Аркадий Францевич взял все фотографии и начал по одной выкладывать их перед собой на стол. Он рассматривал прекрасные лица и точёные фигуры так, словно за красивой оболочкой старался увидеть нечто другое, тайное, скрытое от посторонних глаз, но именно это и важно было ему рассмотреть, и узнать что-то глубоко запрятанное про каждую из них. Он всматривался то в одну, то в другую, то – вдруг подумав о чём-то – быстро находил третью фотографию, а то вдруг возвращался опять к прежней. Он был напряжён и сосредоточен, и Филиппов, видя его глубокие размышления, не решался прервать затянувшееся молчание.

Изображения чередовались, будто в колоде карт. Были тут и ослепительные пепельные блондинки, и полные неги восточные лики, и гречанка, и славянка, и пламенная рыжая красotka с зелёными кошачьими глазами, и роскошные каштановые кудри из кольца в кольцо... И кого тут только не было! Невольно Кошко вспомнилось одно криминальное дело, что пришлось ему несколько лет назад вести в одном очень дорогом доме терпимости, где всё просто утопало в роскоши и красавицах, но даже те изысканные красотки не шли ни в какое сравнение с красавицами кабаре «Медуза». Похоже, что Славин далеко не так прост, как это кажется на первый взгляд, – ведь сумел подобрать такой коллектив, что захочешь – не придерёшься! Этим и обеспечил бешеную популярность заведению. Не зря посетители слетаются в это кабаре как мухи на мёд! Причём публика тут, надо сказать, в основном – весьма достойного уровня.

– Да, – Кошко, не торопясь и аккуратненько подровняв все уголки, сложил все фотографии опять в пакет. – Дело это – не простое! А теперь, думаю, пришло время допросить Нинель Аглинцеву. С неё и следовало бы начать, да поначалу как-то не сложилось, так что давайте навёрстывать упущенное!

Вскоре танцовщица кабаре Нинель Эмилиановна Аглинцева появилась перед Кошко. Она хоть и была напряжена, но испуганной не выглядела, поскольку знала уже, что господин Кошко занимается расследованием убийства Александры Горец, и она уже несколько раз видела его в кабаре.

– Прошу Вас, мадемуазель, присаживайтесь! Допрос не займет много времени, но некоторые вопросы нам необходимо с Вами выяснить.

– Я всё понимаю, Аркадий Францевич! Благодарю, – с изяществом балерины Нинель грациозно присела на край кресла.

– Вы уже говорили следствию о том, что первой обнаружили мертвую Александру Горец в её гримерке. Расскажите мне, пожалуйста, ещё раз про это событие во всех подробностях.

– Да мне вообще-то и добавить нечего. Как обычно после конца выступления, все расходились по своим гримёркам. На ходу разговаривали, делились впечатлениями, восторгались цветами и торопились – каждая к своему месту, чтобы быстрее переодеться, и домой! Я уже начала переодеваться, как вдруг вспомнила, что мы с Сашенькой хотели вместе поехать в итальянский магазинчик, чтобы посмотреть там туфли работы Антонелли. Его обувь – это просто нечто невероятное! Вот нам и захотелось посмотреть на это чудо, а может даже и купить! Ну и зашла я к ней – время уточнить для похода в магазин. Уточнила... чуть в обморок не упала... Да я сама чуть не умерла со страха, как *это* увидела!

– Хорошо, хорошо, об этом мы знаем! А припомните, Нинель Эмилиановна, – может кроме Вас в тот момент еще кто-нибудь по коридору проходил? Или уходил?

– Нет, никого не видела, – устало выдохнула Нинель. – Разве что в то время, пока я у Александры находилась... Но об этом, наверное, лучше других девушек порасспрашивать... А я – нет, ничего больше не могу сказать...

– Постарайтесь вспомнить, Нинель Эмилиановна: когда Вы закричали, и все девушки сбежались на Ваш крик, – может, кто-то выбежал к Вам в каком-нибудь необычном виде или появился с другой стороны, а не вместе со всеми?

– О чём Вы говорите? – не совсем поняла Нинель. – Какой вид? Какая другая сторона? Все выскочили из гримерок как на пожар! Кто полураздетый, кто полуодетый! Уж поверьте, тогда совсем не до того было, чтобы высматривать, – кто с какой стороны пришёл!

– Ладно, пока это оставим. А скажите, пожалуйста, Вы сами подозреваете кого-нибудь в этом убийстве?

– В смысле...?

– Кого Вы бы сами считаете убийцей? Могла это быть какая-нибудь из ваших танцовщиц? Наверняка Вы об этом думали, и не раз! Так как, Нинель Эмилиановна? – Кошко внимательно следил за мимикой женщины.

– Аркадий Францевич, это не просто, – вот так бездоказательно кого-нибудь обвинять! Конечно, у Сашеньки была серьезная конкурентка на роль Эсмеральды, это наша Аза Кирских. Но предположить, что она подкараулила Александру с ножом в руках, да ещё и хладнокровно зарезала её чуть ли не у всех на глазах, – это, знаете ли, слишком! И вообще у Саши со всеми были хорошие отношения, она была совершенно не конфликтным человеком! Но с её поклонниками я не знакома и вполне допускаю, что это может быть чья-то ревность. Но чья, – мне не известно! Да и посторонних никого в тот вечер там не было. Как, впрочем, и обычно... Короче говоря, я не знаю, что думать и кого можно подозревать! Никого я не подозреваю...

– А Вы сами-то уверены в том, что говорите?

– Надеюсь, Вы не *меня* подозреваете в убийстве? – вспыхнула Нинель, и глаза её гневно сверкнули.

Но Кошко на это ничего не ответил. Не поднимая на девушку глаза, он что-то молча записывал.

– Я не убивала Александру Горец! – возмущенно вскрикнула Нинель. – Я никогда не смогу поднять руку на человека! Меня нельзя подозревать! Ведь я балерина, а не мясник какой-нибудь!

...Как будто то, что она балерина, являлось самым веским подтверждением её непричастности к убийству Горец!

Кошко выждал ещё минуту и задал очередной вопрос:

– Ответьте, пожалуйста, – в каких отношениях Вы были с Александрой Горец?

– В нормальных. В приятельских, – сердито ответила Нинель без запинки.

– Ладно, хорошо. А теперь постарайтесь получше вспомнить, – в последнее время, незадолго до своей смерти, Горец говорила Вам что-либо об антикварных украшениях?

– Н-нет... Не припоминаю такого, – подумав ответила Нинель, а потом совершенно уверенно добавила, – нет, ничего такого не было!

– А Вам никто не предлагал купить подобные изделия?

– Да откуда у танцовщицы такие деньги, чтобы предлагать ей купить антикварные украшения? – усмехнулась девушка заданному вопросу.

– Согласен. Но, допустим, не у танцовщицы, а у её состоятельного покровителя. Ведь может материально обеспеченный человек захотеть побаловать свою возлюбленную, – уточнил Кошко.

– Ну... про других не знаю, а про себя могу сказать! Я, Аркадий Францевич, не для того работаю в кабаре, чтобы быть содержанкой. И если полиции это интересно, то знайте, – многие из балерин придерживаются именно такой точки зрения!

– Я совсем не хотел Вас обидеть, Нинель Эмилиановна! Но Вы ведь тоже хотите, чтобы преступник был найден и наказан? Поэтому простите уж за все нескромные вопросы! Вполне понятно Ваше стремление к независимости, и я это полностью приветствую, но всё-таки прошу Вас поразмыслить, – у кого в кабаре, по вашему мнению, может быть достаточно средств, чтобы выкупить старинный французский бриллиантовый гарнитур?

– Странный вопрос, Аркадий Францевич, но постараюсь ответить, – Нинель оживилась и после короткого раздумья начала перечислять, – думаю, что это может директор кабаре... Возможно, Славин... Возможно, кто-то из постоянных посетителей, – на второй этаж нередко приходят очень даже состоятельные люди... Но чтобы танцовщица? Помилуйте...

– Что же, допустим, Вы правы, Нинель Эмилиановна. На сегодня к Вам больше нет вопросов. Подпишите, пожалуйста, вот здесь! И можете быть свободны.

Обмакнув перо в чернила, Нинель размашисто поставила свою подпись и гордо удалилась, оставляя после себя едва уловимый аромат свежести, как напоминание о грядущей весне.

Вера Леонтьевна Шубина прибыла в кабаре вместе со своим коллегой по ремеслу, Глебом Кальяновичем Ломовым. Перед отправкой их на задание над ними хорошо потрудились специалисты по преображению, так что в этой шикарной паре с манерами аристократов и с выражением на лице лёгкого презрения ко всему на свете никто не смог бы заподозрить рядовых тайных агентов полиции. Услужливый официант, увидев непростых посетителей, сразу предложил им один из лучших столиков и предупредительно подал меню.

Изящно взяв лорнет и при этом капризно оттопырив мизинчик, Вера Леонтьевна стала внимательно, но как бы между прочим, рассматривать посетителей, при этом старательно делая вид, что с интересом наблюдает за сценой. Оркестр играл вдохновенно, дирижёр был мастером своего дела, и потому зажигательные ритмы канкана, чувствительные романсы, цыганские песни и песенки из модных оперетт оглушительно гремели, звенели и наполняли весь зал, а яркие наряды танцовщиц и соблазнительные па кружили головы и воображение разгорячённой публики. Так что на Веру Леонтьевну особо никто внимания не обращал, чем она и поспешила воспользоваться.

За первым столиком перед самой сценой она заметила юриста Зуева Аркадия Феоктистовича, делившего стол с каким-то офицером, который самозабвенно хлопал в ладоши в такт музыке и не отрывал восторженного взгляда от калейдоскопического мелькания юбок и блеска сцены. Справа за кулисами мелькнули фигуры Славина и Бельского.

В глубине зала, за столиком у стены, заметила она и одиноко сидевшего Ефремова Максима Константиновича. Он держал в руке бокал шампанского, но при этом абсолютно выпадал из всеобщего бесшабашного веселья. Взгляд его был мрачен и суров, и по всему его поник-

шему облику чувствовалось, что он не разделяет настроение зала. Вот уж действительно, – кто и тосковал по ушедшей навеки красавице Зинаиде Колосок, – так это он, чего нельзя было сказать о моментально утешившемся Зуеве.

Ломов, не меняя выражения лица, чуть задел её ногой под столом и указал глазами на столик неподалёку от них. Шубина слегка перевела лорнет: за столиком довольно развязно сидела молодая пара – до невозможности тощенький и смазливенький вертлявый молодой человек и такая же молодая же девица – между прочим, тоже весьма недурной наружности, в наряде которой Шубина отметила бьющую в глаза вульгарность. Девица смотрела на сцену высокомерным ленивым взглядом, презрительно поджав губы. Лицо чернявого красавчика показалось Вере Леонтьевне смутно знакомым – где-то совсем недавно видела она этот постоянно извивающийся скелетик! Она поднапрягла память, чтобы вспомнить, – кто же это такой? И через пару минут, наконец, вспомнила, – ну да, конечно, это именно его не так давно видела она в полицейском участке, когда арестованные картёжники сидели на скамье в коридоре в ожидании допроса. Это был Бубнов, про которого ей говорила Аннет. Он уже не однажды бывал побит за шулерство и обман при игре, и даже привлекался за мошенничество и запрещённые азартные игры, но, похоже, не прекращал и не собирался прекращать свои сомнительные занятия.

Уж слишком много в настоящее время развелось в стране всевозможных шулеров, то есть людей, живущих исключительно на доход от нечестной игры. Но что поделаешь! Азартные игры, игорные клубы, зачастую под самыми безобидными названиями, и казино существовали в России издавна. Не был исключением и игорный зал, который находился наверху, там тоже разгорались порой нешуточные страсти, когда проигрывались и выигрывались целые состояния. Чтобы хоть как-то обезопасить развлекательные заведения от карточных мошенников, в полиции России уже давно был составлен список всех особо заметных картёжников.

Вера Леонтьевна была немало удивлена, когда впервые увидела этот список. Подумать только, первым в нём был Фёдор Иванович Толстой, двоюродный дядя Льва Николаевича Толстого, а тридцать шестым по списку шёл ни кто иной, как величайший русский писатель и поэт Александр Сергеевич Пушкин! «Так вот почему», – поняла она тогда, – «во всей современной популярной литературе непременно присутствует какой-либо карточный сюжет!» Кстати, тогда же она с удивлением узнала, что и Лермонтов, и Грибоедов, и Достоевский тоже, оказывается, были заядлыми игроками!

Прежде, чем пойти в кабаре, оба агента хорошо подготовились ко всему, что касается карточных игр. В основном, конечно, Ломов, хотя он уже и так поднаторел в этом деле. Ну и Вера Леонтьевна тоже ознакомилась со многими интересными моментами занятий подобного рода. Неизвестно ведь наперёд, как может повернуться ситуация, так что надо быть готовыми ко всему. Сам Аркадий Афанасьевич Кошко поведал им об одном очень интересном случае из своей богатой практики. В 1905 году, будучи ещё начальником полиции в Риге, он сумел раскрыть деятельность хитроумного короля шулеров, которым оказался некто Раков, действовавший под именем испанского гранда, графа Рокетти де ля Рокка. Очень была занимательная и поучительная история!

Но тут её размышления, возникшие при виде Бубнова, были прерваны, так как к столику подошёл официант с заказанными блюдами и начал что-то говорить угодливым тоном. Однако Шубина пропустила все его слова мимо ушей – пусть Ломов разбирается с заказом, так как её взгляд неожиданно привлёк человек, расположившийся сейчас за парой столов позади них. Долго рассматривать его она не могла, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, а так-то вроде и ничего особенного: ну сидит себе какая-то шустренькая дамочка и от чрезмерного любопытства крутится по сторонам, а может, просто знакомых каких высматривает, – мало ли их тут бывает, таких любопытных мадам!

Человека этого Вера Леонтьевна сразу узнала, – он запомнился ей как единственный свидетель, проходивший несколько лет назад по делу об убийстве купца Еропкина. Еропкин

с женой возвращался домой в лёгкой пролётке, их возникший был в купеческой семье доверенным человеком, так как проработал у Еропкиных всю жизнь, с самой ранней молодости, поэтому он оставался вне подозрений. Неожиданно на них напали несколько вооружённых человек – организованная банда – и расстреляли в упор всех троих, ранив заодно и этого случайного свидетеля, который просто чудом остался жив. Имени его Шубина так и не смогла припомнить. Ну да это и неважно сейчас, – бог с ним, с его именем!

На мгновение оркестр замолк, и в зале повисла неестественная тишина, только откуда-то из дальнего угла раздавался звон вилок, – и тут же грянула жизнерадостная кадриль! Немудрёные бодрящие звуки заполнили сразу всё пространство зала, они отскакивали от стен и многократно усиливались отражённым эхом! На сцену стремительно ворвалась любимица публики Эсмеральда, прозванная так за свою редкую цыганскую красоту и лёгкую изящную фигуру. Шубина невольно отметила про себя, что – умеют в этом кабаре подбирать себе танцовщиц! Ведь все – одна лучше другой, все красавицы, но при этом все разные и неповторимые! Просто глаз не отвести!

В эту минуту мимо их столика прошёл Ефремов, направляясь к выходу. Шубина незаметно проводила его взглядом. Она увидела, что уже на выходе Ефремов столкнулся в дверях с входящим Дубовым, на настойчивые ухаживания которого жаловалась мадемуазель Булон. Дубов с уверенным видом завсегдатая заведения прошествовал к столику у сцены, заказанному заранее, на ходу бросив подскочившему официанту небрежное – «Как обычно!» Он расслабленно устроился за столиком, вытянув ноги и самодовольно озираясь по сторонам, а официант уже через минуту лавировал между столиками с подносом на поднятой руке, торопясь доставить заказ господину Дубову. Вера Леонтьевна ожидала выхода Аннет, и теперь, глядя на Дубова, она подумала, – до чего же некрасиво и неприлично ухаживать за новой пассией на глазах у жены, пусть даже и бывшей! Это какую же беспринципную и беспардонную натуру надо иметь! А может быть, таким бессовестным образом Дубов старается демонстративно отомстить жене? Да уж, в любом случае – Аннет сейчас не позавидуешь!

Публика бурно отреагировала на выход Эсмеральды, – раздался шквал оглушительных аплодисментов и восторженные выкрики. Все мужчины смотрели на неё с восхищением, глаза их восторженно сияли, и с лиц не сходила радостная улыбка. Перед сценой мгновенно столпились многочисленные поклонники Эсмеральды с огромными букетами цветов, а один запоздавший военный всё ещё пробирался вперёд, чуть не сорвав своим букетом шляпку с Веры Леонтьевны, и даже не извинился, невежда! Скорее всего, он и вовсе не заметил этого, так как весь был целиком устремлён к предмету своего обожания, – до других ли сейчас дам, когда перед ним сама Эсмеральда? Уж точно, сейчас лучше не стоять у него на пути, – снесёт и не поморщится! И что только слепая страсть творит с неглупыми вроде бы людьми! Наконец танец цыганки закончился, и разгорячённая красавица со сверкающими глазами приняла все букеты, в каждый из которых была засунута непременно записка, а затем гордо удалилась за кулисы.

Аннет наблюдала за ней, слегка приоткрыв дверь своей гримерки. Эсмеральда бегло читала записки, выдергивая их поочерёдно из роскошных букетов, потом комкала и небрежно выбрасывала в мусорную корзину.

Аннет подождала, когда дверь в гримерке Эсмеральды захлопнулась, затем оглянулась по сторонам и быстро вытащила из мусорной корзинки несколько скомканных бумажек. Потом торопливо запихнула их в сумочку – дальше пусть полиция разбирается с этими поклонниками!

Никто не должен был знать, что она, Аннет, с завидной регулярностью проверяла содержимое мусорной корзины.

Ломов снова незаметно задел Шубину ногой, быстро указав глазами на вульгарную девицу. Вера Леонтьевна как бы случайно повернулась к тому столику и увидела, как молодой извивающийся красавчик поднялся навстречу подходившему Зуеву, они коротко о чём-то переговорили и оба направились в сторону игорного зала. Выждав с полминуты, Ломов отправился вслед за ними. Шубина смотрела на его молодую спутницу, оставшуюся за столиком в полном одиночестве, и думала, – кто же они на самом деле: друзья, любовники, или просто деловые партнёры в каком-то деле. Правда, непонятно пока, – в каком? Девицу, похоже, несколько не смутил поспешный уход её спутника. Она равнодушно смотрела на танцовщиц, не проявляя при этом абсолютно никаких чувств. И тут Вера Леонтьевна отметила про себя, что девица-то эта тоже цыганских кровей и, пожалуй, не менее хороша, чем Эсмеральда! Только при внешнем сходстве в чертах у одной красота была тонкая и утончённая, а у другой – грубоватая и приземлённая.

Но вот, наконец, на сцену вышла группа танцовщиц, среди которых Вера Леонтьевна увидела Аннет. Аннет выглядела просто потрясающе! Посмотрев на неё, Шубина одобрила про себя безошибочный выбор Кошко, – Аннет действительно за короткий срок освоила танцевальную премудрость под талантливым руководством Славина и теперь ничем не отличалась от прочих красавиц-танцовщиц. Тут совсем вскоре вернулся Ломов и подал Вере Леонтьевне знак, что пора уезжать.

Пока они шли, то успели немного поговорить, вернее – обменяться на ходу парой фраз. Поделиться, так сказать, результатами первого рабочего дня.

– Особенного пока узнать ничего не удалось, – начал разговор Ломов, едва они отошли на безопасное расстояние – так, чтобы их никто не мог услышать даже случайно. – Этот молодец, которого Зуев называет Бубном, откровенно ждал, когда я закончу игру и уберусь оттуда. Видимо, ему хотелось играть без меня. Зуев это тоже прекрасно понял и потому просто-напросто вежливо, но настойчиво, отказал мне в дальнейших партиях. Мы договорились встретиться с ним в следующий раз.

– Необходимо выяснить поточнее, кто они такие – этот Бубнов и его подруга по столику. Мне известно, что у него уже были приводы в полицию в связи с мошенничеством, но, может быть, за ним есть что-нибудь ещё. А, кроме того, – я увидела в зале свидетеля по делу об убийстве купца Еропкина. Было бы очень интересно узнать, – как он там оказался? – тоже поделилась своими наблюдениями Вера Леонтьевна.

– А что в этом особенного? – удивился Ломов.

– Особенного, конечно, ничего, но я прекрасно помню, что в то время он был беден, как церковная мышь! Даже не мог позволить себе нанять извозчика, потому и шёл пешком, когда подвергся нападению бандитов, – а тут вдруг он преспокойно посиживает в кабаре! Не дешёвое, знаете ли, удовольствие!

– Так, ладно, узнаем и про него, – вполголоса проговорил Ломов, делая пометку в своей записной книжке.

При проверке выяснилось, что так называемый Бубен – это Бубнов Игнат Данилович, тридцати двух лет, привлекался за мошенничество и участие в запрещённых карточных играх. В своей среде имел прозвище «Бубен» и жил в основном на то, что получал от крупных воротил разных мастей за выполнение их всевозможных поручений, зачастую – очень даже щекотливого свойства. А была с ним в кабаре и дала ему приют цыганка Земфира Романовна Цибульская, которая сама проживала вместе с матерью, – вдвоём они держали маленькое ателье. К ним полиция до сих пор никаких претензий не имела.

Свидетелем по делу купца Еропкина оказался мелкий служащий страховой конторы Савва Тарасович Подвальный, который тоже не фигурировал ни в одном полицейском доку-

менте, за исключением того драматического случая. И, казалось бы, нет никаких причин для того, чтобы вести наблюдение за Подвальным, – однако Кошко был согласен с Верой Леонтьевой в том, что посещение «Медузы» – это довольно дорогое увеселение-развлечение. Поэтому к Подвальному тоже стоит, пожалуй, немного присмотреться, а там видно будет. Поэтому, невзирая на то, что официально предъявить Подвальному было нечего, Кошко распорядился взять его на заметку. В расследовании нельзя пренебрегать никакими мелочами, даже если в дальнейшем окажется, что собранная информация осталась не востребовавшей.

Аннет готовилась к выступлению, когда дверь в её гримёрку тихонько приоткрылась, и на пороге появилась Аделина Седых. Молодой женщине было, видимо, скучно, и ей захотелось с кем-нибудь поболтать. Она недавно развелась с мужем и до сих пор тяжело переживала этот развод. Работа её просто спасала от того, чтобы не скатиться в самые глубокие глубины самой тяжелой депрессии! До выступления оставалось немного времени, и Аделина негромко спросила:

– Аннет, ты сильно занята?

– Нет, нет, проходи, – радушно пригласила её Аннет, с досадой вспомнив, что забыла запереть дверь, а ведь ей строго-настрого было велено всегда запирается!

Аделина медленно вошла и не спеша осмотрела всю комнатку. Взгляд её наткнулся на коробку с вещами покойной Горец:

– Ты так и не убрала отсюда её одежду?

– Н-н-нет, как-то не хочется. Иногда вот раздумаюсь о ней, и просто в голове не укладывается, – такая молодая, такая красавица, и такая непонятная кончина! Настолько делается её жалко, что даже рука не поднимается выбрасывать её вещи. Но я не была с ней знакома, и тебе, наверное, странно это слышать от меня?

– Нет, Аннет, мне совсем не кажется это странным. Мы были с ней подругами, и мне до сих пор не верится, что вещи Александры – вот они, здесь, а её самой – уже нет, и никогда больше я её не увижу, никогда не услышу... Да и вообще всё это кошмарное убийство просто в голове не укладывается. Поразительная жестокость! Даже страшновато становится оттого, что убийца так запросто смог войти сюда и сделать своё чёрное дело. Так ведь и к любой из нас можно войти!

– А как ты думаешь, Аделина, – кто бы это мог вот так убить её?

– Не знаю, Аннет! Даже подумать ни на кого не могу, просто не знаю!

– А это может быть какой-нибудь неуклюжий поклонник вроде Дубова?

– Не думаю... не уверена... да смотри сама, Ланцов – тот немного ветреный, да и денег она с него не имела, – так с чего бы ему убивать Александру? Ну а Абаянцев – тот и вовсе человек состоятельный, основательный, да и характер у него неплохой, правда старше её намного и не очень хорош собой, ну да ведь с лица воды не пить! Он даже предлагал ей начать жить вместе, но она не соглашалась. Ему-то зачем её убивать? Да и зайти сюда не так просто, всё-таки посторонним сюда вход запрещён!

– Однако этот ветреный Ланцов смог непонятно как проникнуть в гримёрку Эсмеральды!

– Ну да это просто досадное недоразумение, исключение из правил, такого никогда прежде не случалось! Да и что возьмёшь с этого ветродуя? Одну любовь? Так это он и вовсе не по адресу зашёл! Эсмеральда в сторону таких, как он, даже и не смотрит!

– Аделина, а как ты сама попала сюда на работу? Правда, это не совсем скромный вопрос, так что можешь не отвечать, если не хочешь. Прости, дорогая, моё любопытство!

– Можешь не извиняться, Аннет, никакой тайны в этом нет. Меня привела сюда наша певица, Синичка, то есть Синичкина Анна Софроновна. До этого я танцевала в балете, но там у меня произошёл один досадный инцидент, и я была вынуждена уйти оттуда. А деньги-то

ведь всегда нужны! Вот Синичка и ходатайствовала за меня, а то было – хоть совсем пропадай! До сих пор как про тот случай вспомню, прямо плакать хочется, какая гадкая натура...

– А что там произошло, если это, конечно, не секрет?

– Никакого секрета! Если тебе это действительно интересно, я расскажу тебе всю историю по порядку.

Аннет обрадованно закивала головой, всем своим видом давая понять полнейшую заинтересованность в этом событии, и проворно пододвинула Аделине маленький пуфик, поудобнее усаживая гостью. И у Аделины, в свою очередь, тоже заблестели глаза – отчасти из-за всколыхнувшейся давнишней обиды, а отчасти из-за того, что неожиданно нашёлся благодарный слушатель, который сидит сейчас перед ней и с нетерпением ждёт её рассказа. И она приступила к своему повествованию:

– Понимаешь, начиналось всё в нормальной рабочей обстановке, как это обычно бывает в театре. Тогда давали балет по «Демону» Лермонтова. Ну да ты про это и сама знаешь, – трагическая история любви падшего ангела к земной девушке, принцессе Тамаре. Это было так романтично! В заглавных партиях блистали божественный Вацлав Нижинский и несравненная Матильда Кшесинская! А у меня была небольшая партия Ангела с золотыми крыльями, который уносит на небеса в своих объятьях душу Тамары. Ну, так вот, на сцене взгромодили две высокие горы. На одной восседал Демон, дух изгнания, а на другой – два белых ангела. По ходу действия – когда Тамара умирает, меня спускали на тросе, я брала её «душу», то есть специально изготовленную большую куклу, закутанную в прозрачные ткани, и вместе с ней «возносились» вверх. И вот, в самый ответственный момент, – ты только представь себе! – я спускаюсь, беру куклу, трос медленно трогается «в небеса» и... замирает на полпути! Висит и висит, ни туда и ни сюда! Ну и я вместе с ним... Представляешь картину?! Слышу – оркестр доиграл и снова начал свою трагическую музыку, а я всё ещё болтаюсь между небом и землёй! Первую минуту зрители ещё молча ждали, а потом уже и посмеиваться начали! А дальше – ещё хуже! Какая уж тут трагическая любовь, когда я извиваюсь над сценой в подвешенном состоянии с дурацкой куклой в руках, а веселье в зале уже ничем не остановить! Трос дёргался-дёргался и, в конце концов, сорвался, я и полетела вместе с куклой обратно на сцену, да и хлопнулась прямо на Тамару! Ей, понятно, уже никак нельзя было больше оставаться лежать без движения, и она шустро рванула в сторону. Я, конечно, сильно расшиблась при падении, – лежу, сразу даже подняться не могу, и Тамара надо мной мечется, как всклокоченная курица. Ох, ну и видок!.. Позорище... – Аделина, вновь переживая ту минуту, даже закрыла глаза, горестно вздохнула и ненадолго замолчала. Но, быстро справившись с нахлынувшими чувствами, продолжила изложение событий. – А Демон, испугавшись за меня, прыгнул с горы и бросился меня поднимать, да второпях запутался в длинных одеяниях куклы... да, и грохнулся с этой «праведной душой»... прямо в оркестровую яму... под обалдевшим взглядом окаменевшей Тамары и бешеный хохот публики... Что тут началось! – В горестном изумлении Аделина сжала ладонями виски и даже качнулась из стороны в сторону, – зал просто визжал от восторга! А тут ещё и директор разозлённый выскочил и начал не очень прилично кричать на подсобников, которые допустили такой досадный промах с тросом! Наконец кто-то спохватился, что надо поскорее прикрыть всё это безобразие, и занавес опустился. А я так ногу подвернула, что почти сразу лодыжка распухла, встать на ногу было невозможно! В общем, полнейший провал! Спектакль был сорван. А что после этого газеты писали! Какой позор! Поэму Лермонтова перевернули на все лады, что, мол, Демон никогда не дремлет и всегда готов подхватить вашу несчастную душу, если ангелы не успевают или просто не в состоянии справиться с этим. Короче говоря, – вместо трагедии получилась развесёлая комедия! Впрочем, всё это можно было бы проигнорировать и постепенно забыть, но, представляешь, во всём случившемся обвинили *меня*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.